Die Gartenlaube.

Illustrirte Zeitschrift.

Jahrgang 1871.

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ XI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
Россіи
ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНАЯ
A. MALINOWSKI

134
356-11

ЖИВОПИСНАЯ

РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ,

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

Съ 212 рисунками въ текстѣ и 13 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ.

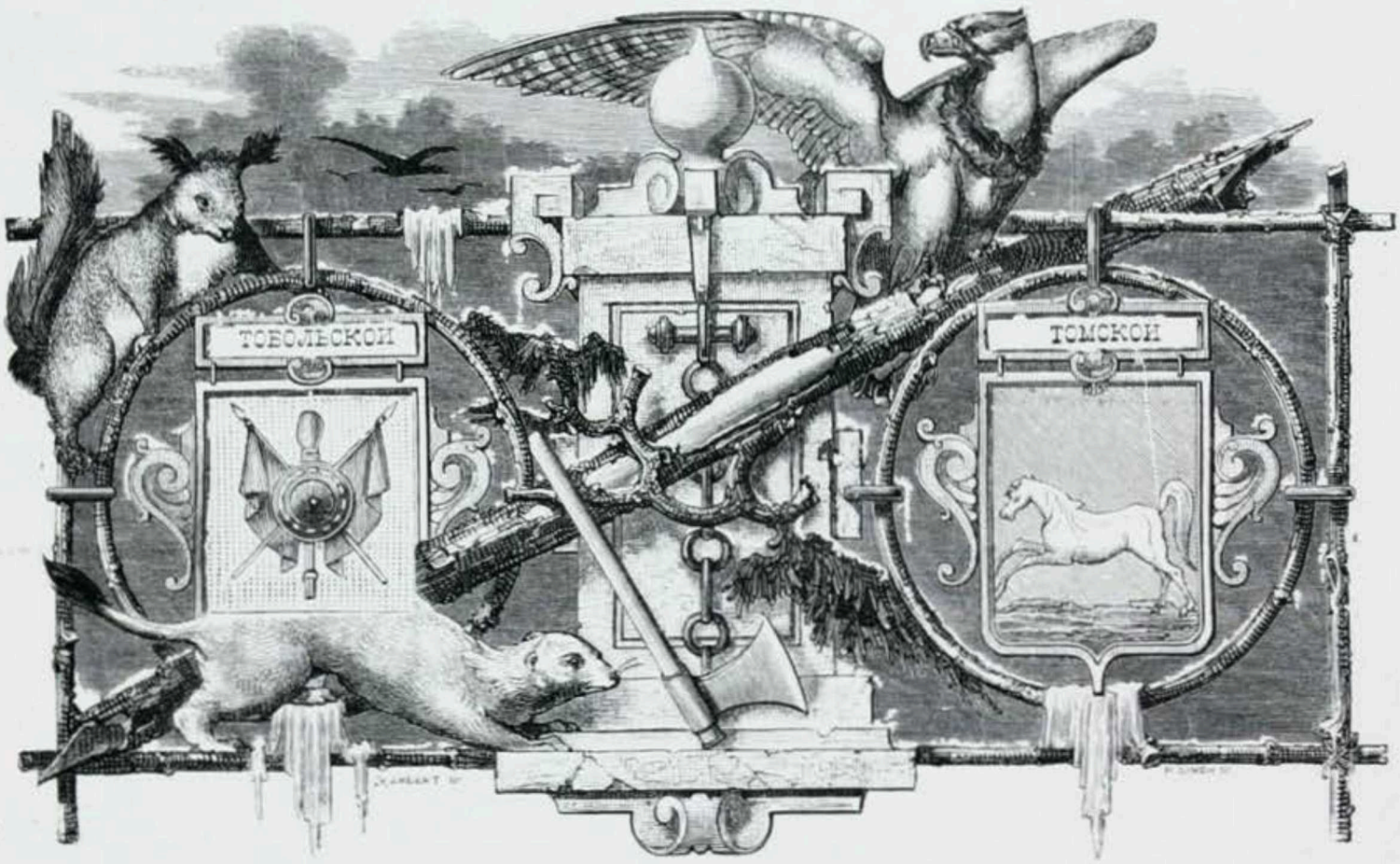
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Петровка, д. Михалкова, № 5.

1884.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

ГУБЕРНІИ: ТОБОЛЬСКАЯ, ТОМСКАЯ, И ОБЛАСТЬ СЕМИПАЛАТИНСКАЯ.

ОЧЕРКЪ XIV.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ И ДРУГІЕ ГОРОДА СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

«Семь палатъ». — Семипалатинскъ, Усть-Каменогорскъ и его окрестности. — Прорывъ Иртыша черезъ горы. — Развалины буддійскаго капища Аблайкитъ. — Золотыя розсыпи въ группѣ Калбинскихъ горъ. — Калмыкъ-Тологой и киргизская легенда объ немъ. — Городъ Кокбеты.

Какая смѣсь —
Одежды, племенъ, нарѣчій, состояній!...

А. ПУШКИНЪ.

Возвращеніе Киргизскаго каравана.

Рѣзко отличается Семипалатинскъ отъ всѣхъ другихъ сибирскихъ городовъ. Семипалатинскъ — это своего рода Одесса на нашей средне-азіатской границѣ; но надо сознаться, что это сравненіе впадаетъ въ каррикатуру. Семипалатинскъ — городъ, какъ и Одесса, только отчасти русскій; онъ напоминаетъ также Одессу и своею ужасною песчаною пылью, которая подала поводъ мѣстнымъ жителямъ прозвать его «песочницей». Вмѣсто кораблей и западно-европейскихъ негоціантовъ, здѣсь имѣются вереницы верблюдовъ изъ Туркестана и Китая и азіатскіе чужеземцы. Навьюченный верблюдъ, этотъ «корабль пустыни», представленъ и на гербѣ области, какъ указаніе на торговыя сношенія города съ мусульманскимъ Востокомъ.

Городъ лежитъ на старинномъ торговомъ пути изъ центральной Азіи въ сѣверную Европу. Уже въ XVII вѣкѣ здѣсь было населеніе калмыцкихъ ламъ. Русскій посолъ въ Китаѣ, Ѳедоръ Исаковичъ Байковъ, нашелъ здѣсь каменныя хоромы, въ которыхъ жили буддійскіе монахи; въ окрестностяхъ селенія производилось хлѣбопашество. Позднѣе, въ концѣ прошлаго столѣтія, извѣстный путешественникъ Палласъ нашелъ только развалины калмыцкихъ зданій, слывшихъ въ народѣ подъ названіемъ «семи палатъ»; въ честь ихъ городъ и получилъ названіе Семипалатинска. Сюда направлялись караваны изъ Яркенда, Кашгара и Кульджи; близъ города они переправлялись на правый берегъ Иртыша. Впрочемъ, разгрузка каравановъ сначала производилась у Ямышевскаго озера, въ мѣстности, гораздо болѣе сѣверной. Семипалатинскъ началъ получать торговое значеніе только съ конца прошлаго столѣтія. Соотвѣтственно этому возрастало и его населеніе. Много поселилось въ немъ Татаръ изъ Казани и Сартовъ изъ независимаго Туркестана. Наибольшаго развитія семипалатинская торговля достигла съ открытіемъ русскихъ факторій въ Кульджѣ и Чугучакѣ, т. е. въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; но за-

тѣмъ, съ отложеніемъ Туркестана отъ Китайской имперіи, вмѣстѣ съ разореніемъ китайскихъ городовъ Чугучака и Кульджи, торговля въ Семипалатинскѣ упала.

Городъ расположенъ на высокомъ правомъ берегу Иртыша, въ которомъ замѣтны твердые выступы сланцевъ. Съ берега открывается видъ на далеко разстилающуюся на лѣвомъ берегу Киргизскую степь; вдали, верстахъ въ 40, виднѣются на горизонтѣ синеватыя очертанія скалистыхъ горъ Семей-тау. Окрестности города безжизненны; площадь, занятая городомъ, представляетъ песчаную поверхность, кое-гдѣ бугристую. Песчаная и пустынная степь разстилается и вокругъ города. Только бугры, чѣмъ дальше отъ него, становятся крупнѣе. Вдали, по окраинѣ степи, въ видѣ каймы, ее облегаетъ сосновый боръ, порядочно вырубленный уже и имѣющій въ настоящее время видъ разсѣянныхъ по горизонту деревъ. Пустыннѣе, безжизненнѣе пространства между городомъ и боромъ трудно себѣ и представить. Здѣсь не встрѣ-

Семипалатинскъ.

тишь ни красиваго цвѣтка, ни порхающей бабочки; сѣрыя, колючія растенія, свойственныя азіатскимъ степямъ, скудно прикрываютъ почву.

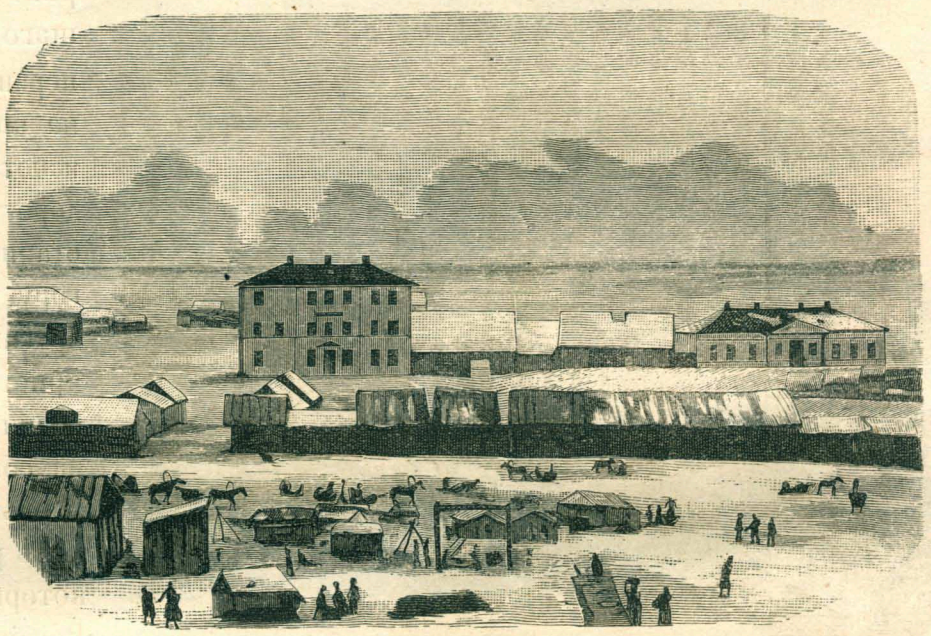
Самый городъ, не смотря на усилія администраціи придать ему физіономію, приличную для областнаго административнаго центра, представляетъ массу старыхъ, деревянныхъ строеній, разъединенныхъ на нѣсколько группъ широкими площадями, по которымъ свободно гуляетъ вѣтеръ, разносящій пыль съ песчаныхъ бугровъ. Не только на площадяхъ, — гдѣ бугры эти поднимаются такъ высоко, что, если смотрѣть съ одного конца площади, зданія на другомъ концѣ выглядываютъ изъ-за вершины заносовъ только въ половину своей высоты, — песчаные суметы покрываютъ и узкія улицы, поднимаются до крышъ зданій, заваливаютъ сады и бульвары.

Городъ состоитъ изъ двухъ частей — русской и татарской; послѣдняя богаче и обширнѣе; въ ней до десятка мечетей, минареты которыхъ издали придаютъ городу восточный видъ. Впрочемъ, мечети всѣ деревянныя, за исключеніемъ одной, очень красивой, построенной по плану извѣстнаго архитектора Тона. Русскихъ церквей въ городѣ двѣ. Общественной жизни въ городѣ нѣтъ. Изъ учебныхъ заведеній имѣется одна только прогимназія, существующая съ 1864 года.

Жители города большею частью занимаются земледѣліемъ. Хотя вблизи города и замѣтны оросительные каналы прежнихъ поселенцевъ Калмыковъ, однакожь нынѣ орошеніе не поддерживается и не продолжается. Что это — неумѣнье или нежеланіе, — трудно сказать. Пашни городскихъ жителей находятся въ мѣстности Бэль-Агачъ, лежащей въ 25 верстахъ отъ города, въ дачахъ Кабинета Его Величества. Землевладѣльцы платятъ въ Кабинетъ за право пользованія этими землями оброкъ. Такъ какъ мѣсто это лежитъ не близко отъ города, то жители переселяются туда на время лѣтнихъ работъ съ дѣтьми, со всѣмъ своимъ скотомъ и домашней птицей. Городскіе же дома стоятъ въ это время заколоченными. Мѣстность Бэль-Агачъ представ-

ляетъ высокую степь, залегающую среди сосновыхъ боровъ; водныхъ источниковъ въ этой мѣстности нѣтъ, поэтому за водой приходится ѣздить на Иртышъ за 20 верстъ. Впрочемъ, на многихъ участкахъ устраиваются такъ называемые «щиты» или загородки изъ хвороста, въ видѣ буквы «П», въ которые зимой вѣтромъ набиваются сугробы снѣга; весной эти снѣжные запасы прикрываютъ толстымъ слоемъ соломы, чтобъ задержать таяніе. Изъ этихъ запасовъ, по мѣрѣ надобности, отламываютъ снѣжные комья и кладутъ на жолоба. Снѣгъ таетъ и вода по жолобамъ стекаетъ въ бочки, изъ которыхъ ее берутъ для питья и въ кухни Мѣстность къ югу отъ Семипалатинска, вверхъ по Иртышу, становится привѣтливѣе; у устья р. Ульбы появляются передовые отроги Алтая, а еще южнѣе дорога становится гористою. Городъ Усть-Каменогорскъ лежитъ уже со всѣхъ сторонъ окруженный горами.

Этотъ небольшой городъ, съ 3,400 жителей, тѣмъ и замѣчателенъ, что, за исключеніемъ Кузнецка, — единственный городъ въ Алтаѣ, расположенный внутри гористой страны; другіе города лежатъ внѣ Алтая, при сѣверной подошвѣ его предгорій. Изъ городскихъ мезониновъ въ Усть-Каменогорскѣ во всѣ стороны видны горы, но нельзя сказать, чтобъ онѣ служили живописными рамками для города. Городъ расположенъ на ровной трехугольной площадкѣ, которая съ двухъ сторонъ обрѣзана теченіемъ сливающихся у самаго города рѣкъ Ульбы и Иртыша; третій бокъ треугольника окаймленъ горами, которыя образуютъ здѣсь прямой валъ безъ всякихъ вырѣзокъ въ гребнѣ; ни ущелья или значительной неровности, ни опушеннаго лѣсомъ или кустарникомъ ската не видно изъ города на этомъ валѣ.

Видъ песчаныхъ площадей и улицъ въ Семипалатинскѣ.

Валъ на обоихъ своихъ концахъ обрывается двумя крутыми профилями, изъ-за которыхъ и вырываются на городскую равнину двѣ названныя горныя рѣки. Обрывы, нависшіе тутъ надъ водой, очень картинны, но они обращены лицевою частью въ сторону, противоположную городу. Въ другихъ частяхъ изъ города видны горы съ болѣе красивыми очертаніями; особенно выдается, на югъ за Иртышемъ, стоящая среди отрога Калбинскаго хребта, трехзубая гора Монастырь. Но эти горы далеко отстоятъ отъ города и служатъ только живописной далью картины. Берега обѣихъ рѣкъ голы; только при сліяніи ихъ, у самаго города появляются тополи и ивы, образующіе рощи, съ топкой, глинистой, часто заливаемой водою, почвой. Вообще, городъ лишенъ мѣстъ, удобныхъ для общественныхъ гуляній; городскаго сада также нѣтъ.

Вмѣсто загородныхъ прогулокъ, жители ѣздятъ на пасѣки. Удивительный контрастъ съ этими окрестностями города поражаетъ человѣка, если только онъ переваливаетъ черезъ прилегающія къ городской землѣ горныя высоты, по другую ихъ сторону, гдѣ его ожидаютъ живописные лѣса, опушенные кустами черемухи и бузины, съ разнообразной цвѣтущей растительностью. Въ этихъ-то горныхъ ложбинахъ и разсѣяны многочисленныя пасѣки. По дну такого лога нерѣдко шумно катитъ по камнямъ ручей; нѣкоторые изъ логовъ такъ круты, что и пѣшему трудно взбираться по его дну. Такой малодоступностью и дикостью картины отличается, напримѣръ, логъ, въ которомъ течетъ Чортовъ ключъ.

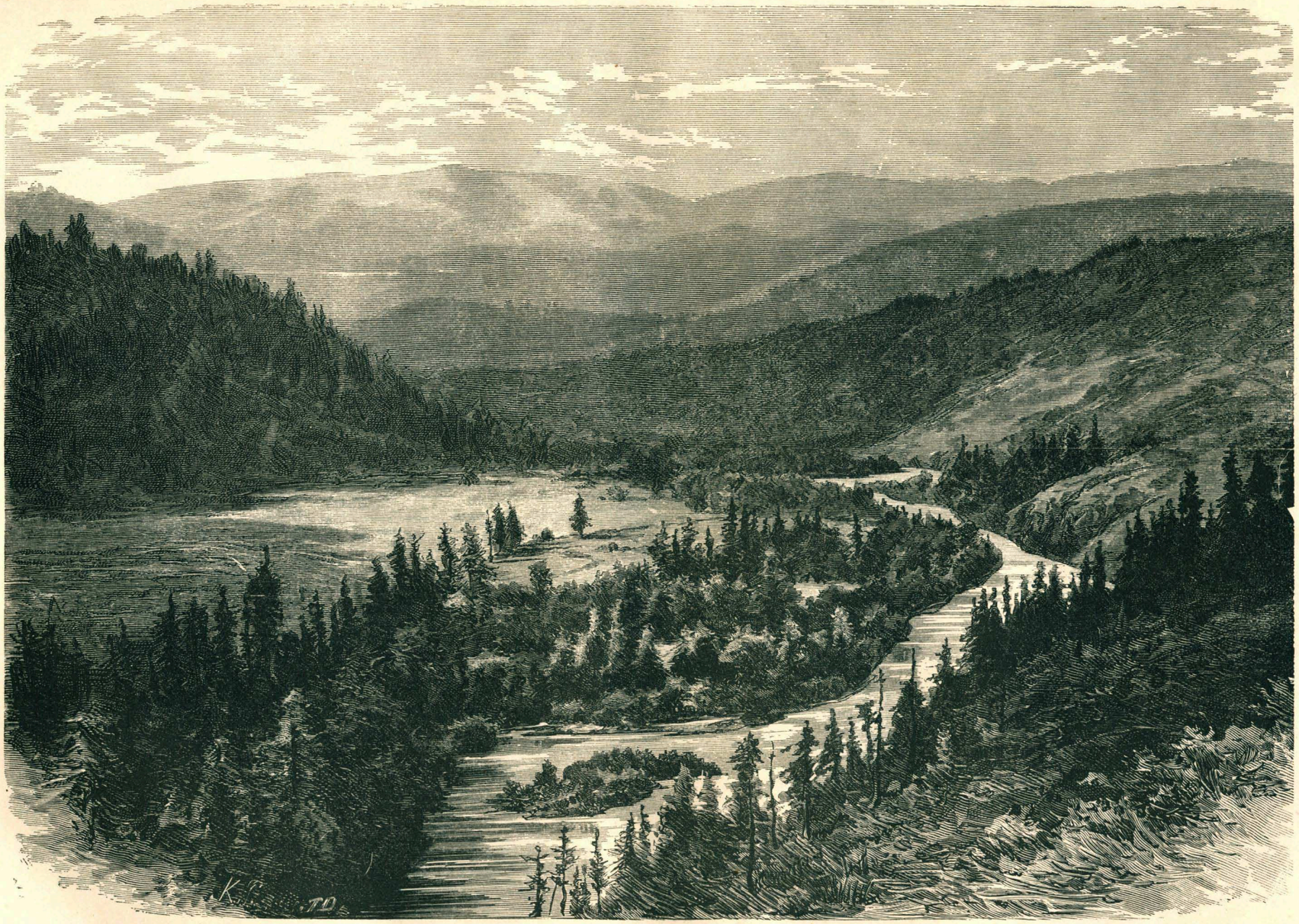
Городскіе жители занимаются исключительно земледѣліемъ; самыя постройки въ городѣ напоминаютъ болѣе сибирскія деревни; только въ серединѣ города встрѣчаются пять, шесть деревянныхъ домовъ съ городской внѣшней отдѣлкой; каменныхъ домовъ вовсе нѣтъ. Въ особенности напоминаютъ деревню заднія улицы, гдѣ низенькіе домики разъединены большими огородами и улицы состоятъ изъ невысокихъ тыновъ, увитыхъ повиликой (Convulvulus arvensis) и заросшихъ бурьяномъ изъ крапивы и рѣпья, изъ-за зелени которыхъ подсолнухи выставляютъ свои желтые круги. Образованное общество въ городѣ немногочисленно; изрѣдка оно сплачивается въ клубъ, но вообще живетъ разъединенно. Ничтожная потребность его въ интеллектуальной пищѣ характеризуется отсутствіемъ общественной библіотеки.

Въ полуверстѣ отъ города, по берегу Иртыша, подъ скалой находится пристань, гдѣ выгружается руда, доставляемая сюда по рѣкѣ изъ Зыряновскаго рудника, лежащаго въ долинѣ Бухтармы. Тутъ же переправа на паромѣ черезъ Иртышъ на киргизскую сторону; здѣсь переѣзжаютъ черезъ рѣку ѣдущіе по почтовой дорогѣ въ Зайсанскій постъ. У пристани, подъ скалою, по крутому косогору, живописно лѣпятся одни надъ другими домики служащихъ на горной пристани, а въ сторонѣ отъ этой слободки путешественникъ наталкивается на совершенно своеобразную картину. По высокому берегу рѣки тянутся ряды кучъ руды, въ родѣ тѣхъ кучъ щебня, которыя встрѣчаются въ Европейской Россіи подлѣ шоссе; только здѣсь эти кучи занимаютъ площадь въ нѣсколько сотъ квадр. саженъ. Выше этого мѣста Иртышъ течетъ въ тѣсныхъ горахъ: здѣсь Алтай переходитъ на лѣвый берегъ рѣки, и послѣдняя течетъ въ глубокой трещинѣ, отдѣляющей Алтай отъ его западнаго продолженія, извѣстнаго подъ названіемъ Калбинскаго хребта.

Мечеть и внутренній видъ Семипалатинска.

Бухтарминскій районъ съ трудомъ сообщается съ внѣшнимъ міромъ. На востокѣ — трудная дорога черезъ высокое алтайское плоскогорье Укэкъ ведетъ въ Китай; это одна изъ самыхъ трудныхъ дорогъ въ Алтаѣ. Съ южной стороны бухтарминской долины проходитъ высокій хребетъ, который только на западѣ понижается; изъ средней части долины черезъ этотъ хребетъ приходится переваливать уже по высокимъ и крутымъ горнымъ проходамъ, а еще восточнѣе, на послѣднихъ 80 верстахъ къ Куйтуну, т. е. къ вершинѣ р. Бухтармы, хребетъ такъ заваленъ снѣгами, что совсѣмъ непроходимъ. На сѣверъ, черезъ Холзунъ, въ сѣверныя долины Алтая ведутъ только горныя тропинки, по которымъ можно проѣзжать верхомъ. Только на западѣ находятся болѣе удобные выходы изъ долины; ихъ два: одинъ тележный, черезъ сѣверный хребетъ, ведетъ изъ крѣпости Бухтарминской въ Усть-Каменогорскъ; другой — водный, по Иртышу. Оба эти пути не уступаютъ другъ другу по живописности. Видъ Бухтармы въ верхнихъ частяхъ, не смотря на дикость природы, прекрасенъ. Роскошная растительность долины составляетъ контрастъ съ суровыми вершинами горъ, уходящихъ въ небо. Горная дорога проходитъ по двумъ ущельямъ рѣчекъ Проходной и Пихтовки. Проходная лежитъ на сѣверномъ склонѣ хребта; узкая дорога извивается по дну ущелья, между скалистами горами, мѣстами поросшими цѣлымъ лѣсомъ ели и пихты; вдоль дороги бѣжитъ ручей, мѣстахъ въ двадцати перебѣгая дорогу; по сторонамъ его густыя

т. XI.

Рѣка Бухтарма и Бухтармаʻская долина.

заросли черемухи, жимолости, гороховника, шиповника, рябины и смородины. Еще болѣе дико и грандіозно ущелье Пихтовки. По всей дорогѣ торчатъ «чортовы зубья», какъ зовутъ мѣстные жители вертикально стоящіе сланцы, и бѣгутъ ручьи. Иногда тѣснина становится такъ узка, что экипажъ на большомъ протяженіи долженъ ѣхать по каменистому руслу Черной рѣчки. И здѣсь долина густо заросла. Кустарники опушаютъ берега рѣчки, а хвойный лѣсъ или спускается вереницами по крутымъ логамъ между скалами, или стоитъ щетиной по гребню горъ. Обѣ долины извѣстны своими снѣжными лавинами, или по-здѣшнему — «оплывинами», которыя въ нихъ бываютъ въ зимнее время. Такія «оплывины» совершенно заваливаютъ тѣснину, образуя высокій поперечный валъ, который на нѣсколько дней, пока рыхлый снѣгъ не затвердѣетъ, прекращаетъ сообщеніе по долинѣ. Мѣстами по этой дорогѣ попадаются небольшія казачьи станицы. Путь по Иртышу не менѣе богатъ романтическими видами, но горы, сопровождающія рѣку, безлѣсны и безлюдны, и потому путешествіе по ней однообразно и утомительно.

Зыряновская пристань на Иртышѣ.

Рѣка на протяженіи 120 верстъ течетъ, какъ здѣсь выражаются, «въ трубѣ». Съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ толпятся отвѣсныя скалы; береговой полосы нѣтъ, и на всемъ протяженіи развѣ найдется мѣста два, три, гдѣ можно было бы найти ровную площадку для поселенія. Рѣка течетъ чрезвычайно быстро. Мѣстами подъ скалами есть опасные прибои. Такія скалы съ прибоями извѣстны здѣсь подъ названіемъ «быковъ». Нѣкоторые быки пріобрѣли печальную извѣстность, какъ, напримѣръ, быкъ Шаранка, считающійся самымъ опаснымъ, и рядъ быковъ подъ названіемъ «семь братьевъ», о которыхъ говорятъ: «если попадешь на перваго брата — побываешь на всѣхъ семи». Другія скалы сдѣлались извѣстны въ народѣ по причудливымъ очертаніямъ, какъ, напримѣръ, «Пѣтухъ», черная сланцевая скала съ вертикально поднимающимся отъ основанія ея отросткомъ.

На лѣвомъ берегу Иртыша, противъ Усть-Каменогорска, какъ и противъ Семипалатинска, лежитъ Киргизская степь, но здѣсь она на всемъ горизонтѣ представляется усѣянною горами. Выше другихъ, когда смотришь въ эту сторону изъ города, выдается группа, извѣстная у Русскихъ подъ именемъ Монастыря, а у Киргизовъ — Аиръ-Тау. Эти горныя группы и цѣпи въ лѣвомъ краю картины все ближе и ближе подходятъ къ первому плану и, наконецъ, упираются въ берегъ Иртыша посредствомъ высокой скалистой массы, которую зовутъ Пригонной сопкой. Названіе это гора получила отъ того, что сюда нѣкогда приплывали олени во время своихъ перекочевокъ. Они обыкновенно лѣто проводили въ вершинахъ Бухтармы, на «альпахъ», а къ зимѣ спускались на зарѣчную сторону, гдѣ снѣга не бываютъ глубоки; осенью они уплывали выше города и выходили на берегъ у Пригонной сопки. Здѣсь охотники устраивали пригоны, т. е. строили городьбу на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, съ отверстіями и ямами при нихъ, куда звѣри падали и становились добычею охотниковъ. Отсюда и имя горы. Теперь, конечно, и въ поминѣ нѣтъ ни звѣрей, ни охотниковъ.

Переправившись противъ Пригонной сопки на лѣвый берегъ Иртыша, путешественникъ ѣдетъ на югъ, постепенно поднимаясь въ гору, мѣстами довольно круто, по густой травянистой раститель-

ности, убранной крупными и яркими цвѣтами. Затѣмъ начинается подъемъ на горы. Поднявшись на первый хребетъ, путешественникъ невольно оглядывается назадъ, чтобъ бросить послѣдній взглядъ на остающійся сзади Алтай. Внизу виднѣется Иртышъ со своими плоскими лугами; городъ растянулся вдоль его берега; за городомъ поднимаются многочисленныя горы, однѣ выступая изъ - за другихъ, пока, наконецъ, масса ихъ не завершается едва различаемыми очертаніями Риддерскихъ бѣлковъ. Тѣ высоты, которыя были видны изъ города и загораживали собою этихъ великановъ, только отсюда получаютъ настоящую свою оцѣнку. Съ перевала путешественникъ спускается въ долину рѣчки Урянхайки. Имя этой ничтожной горной рѣчки, какъ и имя Пригонной сопки — историческій памятникъ. Оно напоминаетъ, что нѣкогда (именно въ половинѣ прошлаго столѣтія) здѣсь кочевало племя, называвшееся Урянхайцами.

Скала «Пѣтухъ» на берегу Иртыша.

Племя это проводило лѣто на высокихъ и прохладныхъ горахъ въ вершинахъ Бухтармы, а на зиму, слѣдомъ за стадами, спускалось къ Иртышу, переходило на его лѣвый берегъ, располагалось со своимъ домашнимъ скотомъ на здѣшнихъ малоснѣжныхъ степяхъ и охотилось за горными баранами. Охота эта продолжается на Бухтармѣ и доселѣ, но только она перешла нынѣ къ Киргизамъ.

Отъ Урянхайки путешественникъ ѣдетъ далѣе, то поднимаясь на хребты, то опускаясь въ долины, въ общемъ же постепенно все поднимаясь на гребень Калбинскаго хребта, какъ называется самое западное продолженіе Алтая, оторванное отъ него трещиной, по которой протекаетъ Иртышъ. Самую высокую группу, мимо которой проходитъ дорога, представляютъ Аблайкитскія горы. Онѣ такъ названы въ честь развалинъ, лежащихъ у ихъ подошвы. Здѣсь было устроено буддійское капище Аблайкитъ, обнесенное вокругъ стѣной, сложенной изъ дикаго камня. За этой стѣной располагались монахи въ войлочныхъ юртахъ. Капище было деревянное, построенное на террасѣ въ сажень высоты, сложенной изъ дикихъ камней. Еще Палласъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, засталъ зданія цѣлыми, хотя и пустыми. Нынѣ уцѣлѣли только терраса и окружающая ее стѣна, да возлѣ террасы валяются камни, обтесанные въ видѣ базъ, служившіе вѣроятно подставками подъ деревянныя колонны, поддерживавшія потолокъ капища.

Окрестныя горы замѣчательны золотоносными розсыпями; пріиски здѣшніе бѣднѣе том-

скихъ, но зато золото высшей пробы. Обстановка золотыхъ пріисковъ совсѣмъ другая. Рабочіе — исключительно Киргизы; трудъ дешевле. Здѣсь пріиски не представляютъ такой замкнутой, почти изолированной жизни, какъ въ тайгахъ. Пріискъ разбросанъ на открытой мѣстности, среди немного волнистой степи. Впрочемъ, видъ пріиска и здѣсь тоскливо однообразенъ, далеко еще болѣе однообразенъ, чѣмъ въ тайгѣ, хотя онъ и складывается изъ другихъ элементовъ. Всюду сѣрый цвѣтъ — и на холмахъ, окружающихъ пріиски, и на вертикальныхъ плоскостяхъ разрѣзовъ. Яркой зелени глазъ не встрѣтитъ; трава, покрывающая скаты холмовъ, сѣровато-зеленая, какъ полынь. Развѣ только гдѣ-нибудь обнаженная бѣлая глина рѣзко сверкаетъ на солнцѣ. По этой тоскливой поверхности движутся сотни смуглыхъ, полунагихъ Киргизовъ, перетаскивая тачки по проложеннымъ дорожкамъ; другія группы копошатся въ разрѣзахъ, занятые раскопкой.

Далѣе путешественникъ вступаетъ на плоскія вершины Калбинскаго хребта, извѣстныя подъ названіемъ Караджала, т. е. черной гривы. Горы здѣсь плоскія и высокія, почва мягкая; мѣста прохладныя, замѣчательныя отсутствіемъ овода. Здѣсь множество поръ сурковъ, какъ и на другихъ высокихъ хребтахъ Азіи. Жилище этого звѣрка имѣетъ видъ большой норы, въ родѣ волчьей. Она открывается обыкновенно на скатѣ горы; часто надъ отверстіемъ виситъ каменная глыба, точно крыша; съ противоположной стороны, отверстіе окружено высокимъ отваломъ вынесенной изъ норы земли, на которой всегда появляется густая трава изъ злаковъ, любящихъ разрыхленную землю. На этомъ отвалѣ, какъ на ступеняхъ у входа въ зданіе, любятъ звѣрки сидѣть на заднихъ лапкахъ, посвистывая и прискакивая при каждомъ свисткѣ. Они не обращаютъ вниманія на проходящихъ мимо и оглашаютъ воздухъ своими перекликиваніями, пока не замѣтятъ, что путникъ направляется прямо къ нимъ. Тогда животное мгновенно исчезаетъ, какъ актеръ, проваливающійся сквозь землю на сценѣ.

На прохладныхъ высотахъ Караджала проводятъ лѣто Муруны, которые сюда приходятъ отъ подошвы Тарбагатая, при которой они имѣютъ свои зимовки. Муруны — многочисленное и богатое киргизское поколѣніе. Оно захватило въ свое владѣніе обширныя земли. Отъ зимовокъ до лѣтняго жилья оно перемѣняетъ 30 кочевокъ, тогда какъ у другихъ дѣлается всего 4 или 5 кочевокъ.

Съ Караджала дорога спускается въ равнину озера Зайсана. У самаго конца спуска, на сѣверной окраинѣ этой равнины, стоитъ, какъ бы сторожа дорогу, куполообразная каменная вершина Калмыкъ-Тологой. Названіе это монгольское, а не киргизское, какъ и названіе многихъ другихъ здѣшнихъ урочищъ, потому что земли эти были, еще въ прошломъ столѣтіи, заняты Калмыками, и Киргизы появились въ нихъ позднѣе. Тологой, по-монгольски, значитъ голова. Это названіе часто придается Монголами къ выдающимся куполообразнымъ вершинамъ. Что значитъ—калмыкъ, неизвѣстно, но этотъ эпитетъ нерѣдко встрѣчается въ Монголіи, какъ имя замѣчательныхъ урочищъ. О Калмыкъ-Тологѣ у Киргизовъ существуетъ слѣдующая легенда, вѣроятно монгольскаго происхожденія.

По словамъ легенды, Калмыкъ-Тологой стоялъ прежде при подошвѣ Тарбагатая, верстахъ въ 150 отъ нынѣшняго мѣста. Одинъ сильный богатырь, Сортактай, имя котораго извѣстно до сихъ поръ и въ Алтаѣ, на Катуни, и въ Хангаѣ въ Монголіи, задумалъ положить мостъ черезъ Иртышъ. Для этой цѣли онъ позвалъ своего сына и, вмѣстѣ съ нимъ, взваливъ гору на плечи, понесъ къ Иртышу. Приэтомъ онъ предупредилъ сына, что предпріятіе ихъ можетъ удаться подъ условіемъ, если они, до окончанія постройки моста, воздержатся отъ брачнаго ложа. Но тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Калмыкъ-Тологой, гора опустилась и придавила богатырей, потому что сынъ нарушилъ заповѣдь отца.

Отъ Калмыкъ Тологоя на югъ стелется ровная степь. Въ 15 верстахъ отъ него, на берегу небольшой рѣчки Кокбектинки, лежитъ городъ Кокбекты. «Городъ этотъ,— по словамъ одной русской путешественницы,— ничто иное, какъ большая корзина». Дѣйствительно, въ городѣ ничего

не видишь, кромѣ плетней; заборы, скотскіе хлѣвы, сараи, амбары,— все плетеное изъ ивы; самые дома большею частью—сплетенныя изъ ивы мазанки. Населеніе состоитъ преимущественно изъ казаковъ. Въ городѣ считается не болѣе 2,000 жителей; живутъ бѣдно. Окрестности города не представляютъ благопріятныхъ условій для хозяйства; развитію хозяйства мѣшаетъ также военно-поселенческій характеръ населенія. Словомъ, городъ этотъ представляетъ собою не торгово-промышленный пунктъ, а пунктъ чисто-административнаго управленія, выбранный совершенно неудачно и не обѣщающій сколько-нибудь удовлетворительнаго развитія въ торгово-промышленномъ отношеніи.

Г. Н. Потанинъ.

Правый берегъ Иртыша.

ОЧЕРКЪ XV.

ЮЖНЫЕ СКЛОНЫ АЛТАЯ И ТАРБАГАТАЙСКІЙ КРАЙ.

Киргизское населеніе Семипалатинской области. — Нравы, обычаи, религія и образъ жизни Киргизовъ. — Зайсанскій бассейнъ. — Зайсанскій и другіе пограничные казачьи посты. — Поѣздка къ южнымъ склонамъ Алтая и особенности мѣстной природы.

Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...

Н. НЕКРАСОВЪ.

Кто-то, по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ.
— «Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!» —
Думаютъ крестьяне: — «скажетъ баринъ слово —
И землицу нашу отдадутъ намъ снова».

Н. НЕКРАСОВЪ.

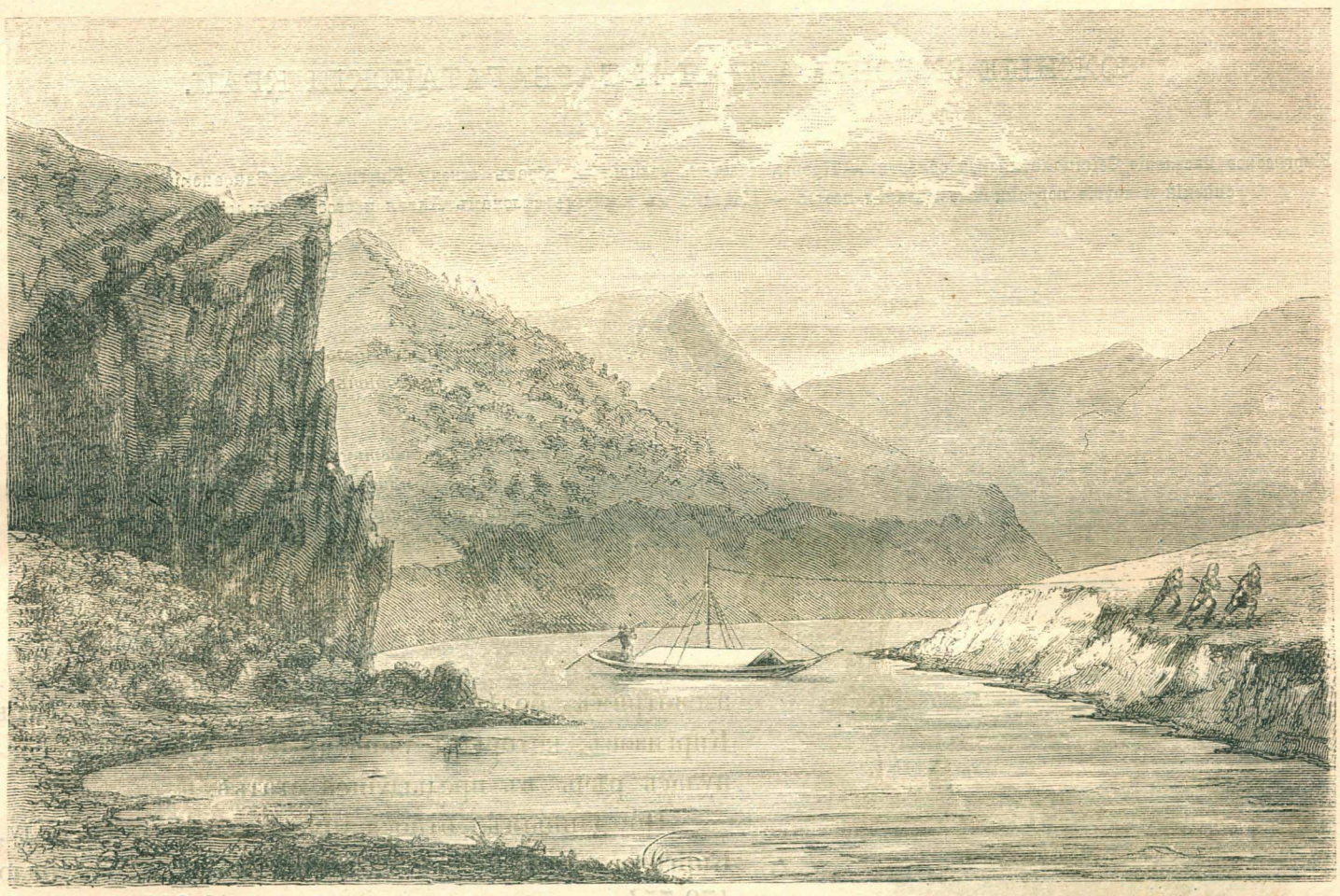
Зайсанскій постъ.

Разсмотримъ болѣе подробно положеніе и бытъ Киргизовъ, которыхъ лишь въ общихъ чертахъ коснулась рѣчь въ предыдущей статьѣ.

По даннымъ, относящимся къ 1876-му году, Киргизовъ въ Семипалатинской области состояло 479,754 человѣка, въ томъ числѣ 10,944 человѣка осѣдло-живущихъ въ городахъ и 469,510 душъ кочевыхъ, образующихъ 15 волостей, заключающихъ въ себѣ 105,617 юртъ. Киргизы Семипалатинской области, по происхожденію своему, принадлежатъ къ Средней Ордѣ, раздѣляясь на многіе роды, съ подраздѣленіемъ ихъ. Со введеніемъ въ Сибири раздѣленія на волости, родовое начало, особенно въ виду положенія 1868 года, стало замѣтно ослабѣвать. Киргизамъ предоставлено право самоуправленія черезъ волостныхъ управителей и аульныхъ старшинъ, самостоятельно выбираемыхъ ими на трехлѣтіе. Въ дѣлахъ судебныхъ, гражданскихъ, по искамъ и тяжбамъ между собою, а также за всякіе проступки и преступленія, кромѣ наиболѣе тяжелыхъ, какъ, напримѣръ, убійство, грабежъ

и пр., Киргизы вѣдаются обычнымъ судомъ біевъ, тоже выбираемыхъ на трехлѣтіе. Киргизы обложены кибиточною податью, по 3 руб. съ юрты; число кибитокъ и раскладка подати между аулами и отдѣльными юртами, сообразно ихъ состоянію, опредѣляются также лицами выборными. Сверхъ кибиточной подати, Киргизы уплачиваютъ еще около 1 р. съ юрты земскихъ сборовъ на содержаніе управленія, исправленіе дорогъ и проч.

Съ каждымъ трехлѣтіемъ волостные управители, біи и прочія сельскія должностныя лица менѣе и менѣе выбираются изъ такъ-называемаго «султанскаго происхожденія», потому что слишкомъ много потерпѣли Киргизы въ прежнее время отъ неограниченно-деспотической власти своихъ «родоначальниковъ» или «султановъ». Главное занятіе Киргизовъ — скотоводство, составляющее всю основу ихъ благосостоянія. Киргизъ, не имѣющій скота и не могущій кочевать, — нищій, добывающій себѣ пропитаніе поденною работою. У Киргиза на первомъ планѣ стоитъ разведеніе лошадей и курдючныхъ овецъ. Киргизская лошадь не граціозна, но имѣетъ неоспоримыя достоинства. Ея выносливость въ ѣздѣ удивительна. Безъ особеннаго утомленія она проходитъ до 100 верстъ въ день. На хорошей лошади Киргизъ дѣлаетъ въ сутки 200 верстъ. Киргизы особенно цѣнятъ хорошихъ иноходцевъ за ихъ спокойный аллюръ и быстроту, невѣроятную для незнакомыхъ со степью. Но киргизская лошадь мало годится для ѣзды въ экипажахъ и особенно для возки тяжестей: она слишкомъ горяча и малосильна. Впрочемъ, изъ жеребенка, взятаго въ конюшню и выпоенаго на овсѣ, выходитъ отличная почтовая и экипажная лошадь. У Киргиза лошадь весь годъ на подножномъ корму, — не знаетъ крова ни въ какіе холода и бураны; слой снѣга, толщиною въ четверть, не затрудняетъ ея при добываніи корма: лошадь разгребаетъ снѣгъ копытами и достаетъ себѣ кормъ. Наибольшее несчастіе въ степи — это *джута* (гололедица), когда осенью, внезапно послѣ дождей, ударитъ морозъ и степь покроется ледяною корой, которую

Видъ между Усть-Каменогорскомъ и Бухтармой на Иртышѣ.

не можетъ пробить копыто. Единственное средство, въ этихъ случаяхъ, спасти табуны — перегнать ихъ въ другую мѣстность, не захваченную гололедицею.

Вотъ нѣкоторыя данныя о размѣрахъ киргизскаго скотоводства. Въ 1870 году въ Семипалатинской области считалось: курдючныхъ овецъ — 2,014,000 головъ, лошадей — до 546,500, рогатаго скота — 145,000, козъ — 130,500 и верблюдовъ 62,400 головъ. Скотоводство требуетъ кочеванія, т. е. передвиженія съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ вытравленія пастбищъ. Перекочевки совершаются по точно опредѣленнымъ путямъ, сойти съ которыхъ нельзя, не нарушая правъ другихъ волостей или родовъ. Потрава зимовки — одно изъ тягчайшихъ правонарушеній въ киргизскомъ быту. Земледѣліе въ степи служитъ только подспорьемъ скотоводству; сѣютъ пшеницу, просо и ячмень. Въ послѣднее время стали сѣять и овесъ.

Вслѣдствіе сухости воздуха и недостатка проточныхъ водъ, земледѣліе возможно только при условіи поливки, требуетъ тяжелаго труда — проведенія и поддержанія арыковъ (оросительныхъ канавъ), своевременной поливки пашенъ и проч. Большая часть степи совершенно непригодна для осѣдлой жизни, и администраторы, мечтающіе заставить Киргизовъ перейти отъ кочеваго быта къ осѣдлому путемъ насилія, горько заблуждаются; мѣры, въ родѣ ограниченія или запрещенія кочевья, поведутъ только къ уничтоженію скотоводства, а слѣдовательно, и къ окончательному разоренію Киргизовъ.

Караванъ на берегу Иртыша.

Промыслы у кочевниковъ мало развиты, но усиливаются нѣсколько съ приближеніемъ къ Иртышу, и состоятъ въ ломкѣ самосадочной соли, наймѣ верблюдовъ для перевозки товаровъ, въ наймѣ на земледѣльческія работы, въ рудники, на золотые промыслы и рыбныя ловли, вообще въ работники къ Русскимъ. Киргизы, сравнительно, весьма недурные работники.

Большинство предметовъ потребленія киргизскаго быта изготовляется въ степи же, какъ-то: кошмы, дерево для юртъ, сѣдла, армячина, грубые ковры, арканы изъ волоса, шерстяныя покромки для связыванія основы юрты, кожа, нагайки и *ксе* (поясъ съ сумкой и ножемъ), отдѣланные серебромъ, и т. д.

Религія Киргизовъ—мусульманская. Впрочемъ, въ массѣ народа мусульманство весьма слабо и состоитъ только въ исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ. Замѣчательно, что магометанство распространилось сильнѣе въ Киргизской степи именно въ періодъ русскаго владычества. Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній, въ видѣ одного изъ многоразличныхъ опытовъ въ Западной Сибири, было предпринято распространеніе ислама между Киргизами. По степи странствовали проповѣдники корана изъ Казани, Оренбурга, даже изъ Бухары и Константинополя; мечети устраивались даже на казенный счетъ. Спохватилась, наконецъ, администрація, что дѣло не ладно, — задумала перевернуть исламъ въ христіанскую религію. Лѣтъ 30 тому назадъ одинъ изъ главныхъ администраторовъ края подалъ такое мнѣніе: «такъ какъ Киргизы — народъ слишкомъ неразвитый для такой высокой религіи, какова хри-

стіанская, то нельзя ли сдѣлать переходную, среднюю, между христіанской и магометанской». Такое соглашеніе религій не признали возможнымъ, но затормозили, однако, вредное вліяніе проповѣдниковъ корана. Было постановлено, что мулла, состоящій при волости, долженъ быть Киргизъ; вмѣстѣ съ тѣмъ затруднили постройку мечетей, изъяли Киргизовъ изъ-подъ вѣдѣнія оренбургскаго магометанскаго духовнаго собранія; проповѣдники корана, бродившіе по степи, были высланы. разумѣется, мѣры эти были приняты поздно, и магометанство успѣло уже пустить корни.

Какъ сказано уже, рѣдкій Киргизъ въ Семипалатинской области не имѣетъ зимовки, но все-же душа его лежитъ больше къ юртѣ, и какъ только время года позволяетъ, онъ перебирается въ юрту. Большая, богатая юрта представляетъ довольно комфортабельное помѣщеніе. Самая большая юрта имѣетъ аршинъ двѣнадцать въ діаметрѣ. Ее ставятъ такъ: установляютъ керегѐ — деревянную складную рѣшетку, вышиною аршина въ три; нѣсколько такихъ рѣшетокъ разставляютъ кругомъ, — и это составляетъ стѣны юрты; затѣмъ, на баканѣ — длинной, толстой жерди, съ раздвоеннымъ тупымъ концомъ, подымаютъ, надъ серединой ставящейся юрты, чанаракъ — толстый деревянный обручъ; весь обручъ прорѣзанъ кругомъ гнѣздами; въ нихъ вставляютъ тонкія выгнутыя палки и другимъ концомъ привязываютъ ихъ къ керегѐ; такимъ образомъ образуется крыша или сводъ юрты; въ керегѐ съ одной стороны оставляютъ пространство для двери, куда вставляютъ деревянную раму; затѣмъ юрту стягиваютъ кругомъ, для прочности, широкой шерстяной тесьмой.

Вотъ остовъ юрты и готовъ, — совершенно птичья клѣтка! Теперь по наружной сторонѣ заставляютъ вплоть по керегѐ «чіемъ» — родъ ширмы, сдѣланной изъ палочекъ чія, перевитыхъ гарусомъ и шелкомъ, богатымъ узоромъ. На «чій» натягиваютъ кошмы. Это — самая трудная и важная часть при постановкѣ юрты; надо такъ натягивать ихъ, чтобы не осталось ни малѣйшей скважины. Сводъ юрты также обтягивается кошмами; по бортамъ онѣ украшены вышивками изъ чернаго и краснаго сукна, нашитаго въ узоръ бѣлымъ гарусомъ. На чанаракъ набрасывается особый четыреугольный кусокъ кошмы, тюндюкъ, съ пришитой къ нему, къ двумъ противоположнымъ угламъ, тесьмой. Онъ изображаетъ ставню; за тесьму его двигаютъ по чанараку, играющему роль окна и дымовой трубы. Иссыкъ — кошемная дверь — вышита всего богаче, на дабовой подкладкѣ. Хорошо ее привѣсить — тоже дѣло хитрое. Кошемную дверь поднимаютъ на арканахъ, подобно тому, какъ у насъ сторы.

Внутри по керегѐ вѣшаютъ ковры и тикимети, т. е. ковры, вышитые по сукну суконными или бархатными накладными вышивками. Сводъ юрты убираютъ тикиметями же или вышивками шелкомъ по бѣлой бязи. Полъ устилаютъ кошмами и поверхъ ихъ коврами; иногда подъ чанаракъ вѣшаютъ балдахинъ. Меблировку юрты составляютъ: небольшіе сундуки, поставленные по керегѐ и накрытые шелковыми курпѐ, — кровать, стоящая за шелковою занавѣсью, — низенькіе татарскіе столики, мѣдный тазъ и прочая домашняя рухлядь. Вмѣсто перины или тюфяка на кровати лежатъ въ нѣсколько рядовъ курпѐ; подушки шелковыя; на день постель покрываютъ богатыми покрывалами изъ китайскаго манлыка съ золотой бахромой кругомъ, или вышитыми бухарскими коврами. Огонь разводятъ посреди юрты, для чего раздвигаютъ ковры и выкапываютъ углубленіе для дровъ или кизяка. Огонь въ юртѣ всегда крайне непріятенъ; несмотря на открытый чанаракъ, дымъ наполняетъ юрту. Домашнюю утварь составляютъ: таганы, казаны, чайники (мѣдные и чугунные), деревянныя блюда и чашки для мяса и фарфоровыя (въ родѣ нашихъ полоскательныхъ) для кумыса и чаю, кожаныя бутыли (сабы и турсуки), неуклюжія, деревянныя, громадныя ступы, въ которыхъ обдираютъ крупу, ведерки деревянныя и изъ невыдѣланной, прокопченной кожи.

Такова богатая юрта. Бѣдная же состоитъ изъ керегѐ, чія безъ всякихъ украшеній и закоптѣвшихъ, часто изодранныхъ, кошемъ. Внутри юрты, въ передней части, ягнята и телята; посреди — очагъ; надъ нимъ таганъ съ казаномъ или чугунный чайникъ; въ глубинѣ юрты — нары, убогіе ундучишки, деревянныя чашки, ведерки и кошмы, замѣняющія и постель, и подушки, и ковры.

Зимовки богатыхъ Киргизовъ — дома, хорошо выстроенные, въ нѣсколько комнатъ. Къ нимъ примыкаютъ обширные крытые дворы для скота. Внутреннее убранство то же, что и въ юртѣ. Исключеніе представляетъ домъ султана Али-хана, у котораго одна комната отдѣлана по-европейски, съ мягкой, хорошей мебелью. Зимовки бѣдныхъ Киргизовъ — землянки. Стѣны землянокъ, а также и смежныхъ съ ними крытыхъ дворовъ, сдѣланы изъ плетней тальника,

Свадебный головной уборъ Киргизки.

поставленныхъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; промежутокъ между плетнями плотно засыпанъ землей. Убранство то же, что̀ и въ бѣдной юртѣ. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ есть бѣдныя зимовки изъ бревенчатыхъ срубовъ; мѣстами ихъ дѣлаютъ изъ кирпича сырца, словомъ — изъ разнообразнаго имѣющагося подъ руками матеріала.

Необходимую принадлежность каждой юрты составляютъ два музыкальные инструмента: домбра — двуструнная балалайка, и сыбызга — флейта. Около зимовокъ сложены, какъ у насъ, полѣнницы дровъ или плитки сушенаго кизяка и кія (овечьяго, конскаго и коровьяго удобренія)

служащихъ топливомъ, и стоги сѣна для мелкаго скота. Кромѣ скота, богатство Киргиза заключается въ вещахъ: коврахъ, шубахъ, сѣдлахъ и сбруѣ, отдѣланныхъ серебромъ и дорогими камнями, женскихъ уборахъ и т. д. *Саукѣле* — свадебный парадный головной уборъ Киргизки — доходитъ цѣнностью до 2,000 руб.; онъ украшенъ жемчугомъ, кораллами, драгоцѣнными камнями и дорогимъ мѣхомъ.

Занятія богатаго Киргиза ограничиваются тѣмъ, что онъ, время отъ времени, объѣзжаетъ свои стада и табуны и охотится съ борзыми, беркутами или соколами. Дома онъ проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, болтая съ одноаульцами, играя въ довольно азартную игру — *тауздукъ*, слушая сказочниковъ и пѣвцовъ, принимая у себя гостей. До новостей Киргизы страстные охотники, — нигдѣ такъ быстро не расходятся онѣ, какъ въ степи. Кто-то выразился, что у Киргизовъ существуетъ «почта духовъ».

На женщинахъ лежатъ всѣ заботы по дому и хозяйству, не исключая даже разборки и установки юртъ. При перекочевкахъ онѣ же вьючатъ и развьючиваютъ скотъ. Кромѣ того женщины ткутъ армячину, прядутъ шерсть, валяютъ вмѣстѣ съ мужьями кошмы, вышиваютъ украшенія на юртахъ и тикимети, красятъ шерсть, изготовляютъ чіи и проч.

Пищу богатыхъ Киргизовъ составляетъ кумысъ и мясо рогатаго скота, молодыхъ кобылъ, жеребятъ, барановъ и верблюдовъ. Заготовленіе мясныхъ продуктовъ производится разъ въ годъ, въ ноябрѣ. Богатыя семьи рѣжутъ до десяти кобылъ, около пятидесяти барановъ, двухъ-трехъ штукъ рогатаго скота и изрѣдка верблюда. Мясо рогатаго скота сберегаютъ мерзлымъ; изъ кобыльяго мяса и крови дѣлаютъ *казы* (копченое мясо, въ родѣ колбасъ, нѣсколькихъ сортовъ). Часть баранины вялятъ и коптятъ, часть берегутъ мерзлою. Зимою главную пищу составляетъ это мясо и кижё — очень жидкая кашица изъ проса, пшена или ячменя; въ нее прибавляютъ куски курдючнаго сала или молока. Бѣдные питаются одною кижё, даже безъ сала. Чай во всеобщемъ употребленіи. Бѣдные пьютъ исключительно кирпичный чай, приготовляя его въ чугунныхъ чайникахъ или казанахъ безъ всякихъ добавленій; богатые пьютъ настоящій чай, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже самовары. Къ чаю подаютъ татарскіе баурсаки и аладьи изъ пшеничнаго тѣста на молокѣ, жареныя въ курдючномъ салѣ. Вмѣсто сахару, рѣдко употребляемаго Киргизами, подаютъ къ чаю медъ, урюкъ (сушеные абрикосы) и кишъ-мишъ. Иногда пьютъ чай прикусывая русское масло, какъ у насъ сахаръ, или просто прибавляютъ его въ казанъ или чайникъ. Весною, когда изобиліе молока, Киргизы питаются почти исключительно молочными скопами во всевозможныхъ видахъ. Изъ нихъ особенно важенъ для Киргиза такъ-называемый *куртъ*, заготовляемый, и бѣдными, и богатыми, въ большомъ количествѣ. Куртъ приготовляется изъ смѣшаннаго овечьяго, козьяго, коровьяго и верблюжьяго молока. Его кипятятъ, заквашиваютъ; въ получившійся творогъ прибавляютъ муки и отжимаютъ столбиками. Собираясь въ дальнюю поѣздку, въ лѣтнее время, Киргизъ спускаетъ нѣсколько столбиковъ курта въ турсукъ съ водой, приторочиваемый къ сѣдлу. Изъ курта съ водой получается прохладительное, кислое, питательное питье, имѣющее, кромѣ того, цѣлебное дѣйствіе, въ случаѣ дизентеріи.

Свадебные и похоронные обряды, обряды при рожденіи ребенка, нареченіи ему имени, переложеніи его въ зыбку, сажаніи его въ первый разъ на лошадь и т. д., сопровождаются различными церемоніями и угощеніемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; сзывается весь аулъ, а иногда и волость; послѣ угощенія, обыкновенно, устраиваются всевозможныя состязанія. Киргизская дѣвушка пользуется до замужества совершенной свободой, но, со вступленіемъ въ бракъ, дѣлается вполнѣ рабой своего мужа. Да и мужа-то она не сама выбираетъ, несмотря даже на то, что правительствомъ предоставлено право выходить замужъ по желанію, а не за жениховъ, которымъ родители запродаютъ своихъ дочерей за извѣстный калымъ. Въ полномъ ходу еще старые порядки. Пріѣзжаютъ сваты, заявляютъ хозяину дома о желаніи такого-то просватать за своего сына его дочь, договариваются о калымѣ и, когда три четверти его уплачены,

женихъ вступаетъ въ права мужа; когда же уплатитъ весь калымъ, что̀ бываетъ большею частью года черезъ два, беретъ жену-невѣсту къ себѣ въ домъ. Все это обставлено безконечными церемоніями, пированьями, обрядами, основанными большею частью на примѣтахъ, безконечнымъ обмѣномъ подарковъ.

Калымъ, т. е. выкупъ за невѣсту, самый богатый — во сто кобылъ и самый бѣдный — въ 27 кобылъ; ниже этого калыма не бываетъ. Выплачивается онъ не только кобылами, но и верблюдами, иноходцами, скотомъ, на сумму ста кобылъ. У богатыхъ, въ видѣ прибавки, даютъ стальную кольчугу, дрессированнаго беркута, ружье, или, если такихъ вещей нѣтъ у жениха, то прибавляется еще двадцать пять кобылъ. Приданое невѣсты у богатыхъ почти всегда равняется калыму, или даже и превышаетъ его.

Киргизскія понятія о нравственности весьма либеральны въ отношеніи дѣвушекъ. На очень близкія отношенія молодежи смотрятъ снисходительно, лишь бы избранникъ былъ одноаулецъ или хоть одной волости съ дѣвушкой. Если же она изберетъ себѣ возлюбленнаго изъ чужой волости, — вся одноаульная съ ней молодежь будетъ мстить ея возлюбленному, и дѣло нерѣдко кончается убійствомъ.

Киргизская охота съ беркутами.

Рядомъ съ такимъ либеральнымъ взглядомъ — слѣдующее требованіе, совершенно несовмѣстимое съ предоставленною дѣвушкамъ свободою. Киргизка не должна имѣть дѣтей не только дѣвушкою, но и невѣстою, хотя бы женихъ ея нѣсколько лѣтъ уже пользовался правами мужа. Быть матерью она имѣетъ право лишь тогда, когда взята въ домъ жениха-мужа. Эти требованья приличій соблюдаются посредствомъ «кызылъ-ча», чая изъ трехъ травъ.

Пріѣзжая на свиданія съ невѣстою, всякій разъ съ вѣдома и разрѣшенія ея родителей, женихъ не показывается въ ея аулѣ, а останавливается за ауломъ, въ укромномъ мѣстѣ, гдѣ ставитъ привезенную съ собой палатку. Товарищи жениха, принявъ его коня, идутъ съ подарками къ отцу невѣсты объявить объ его пріѣздѣ и передаютъ привезенные женихомъ подарки.

Пока мать и отецъ невѣсты принимаютъ подарки и размѣщаютъ гостей, подруги невѣсты идутъ къ жениху. Завидя ихъ, женихъ дѣлаетъ имъ поклонъ, наклоняя туловище такъ, чтобы коснуться пальцами носковъ своихъ саногъ, потомъ, медленно выпрямляясь, ведетъ руки по сапогамъ до колѣнъ.

Дѣвушки пируютъ съ женихомъ до вечера. Онъ даетъ имъ подарки. Вечеромъ отецъ невѣсты дѣлаетъ угощенье товарищамъ жениха и своимъ одноаульцамъ. Дѣвушки и молодыя женщины носятъ жениху, въ его палатку, по блюду каждаго кушанья.

По окончаніи угощенія, одноаулецъ или кто-нибудь изъ сосѣдняго аула уводитъ невѣсту, прячетъ ее у себя и собираетъ гостей. Послѣ угощенія, женщины и дѣвушки остаются въ юртѣ, а молодежь—за юртой; кошмы, чій и ковры снимаютъ съ кереге́, такъ что женщины сидятъ точно въ клѣткѣ; между ними и молодежью, всю ночь, до свѣта, идетъ состязаніе въ импровизированныхъ пѣсняхъ. Поютъ попарно мужчина и женщина; вся суть въ томъ, чтобы сконфузить противника и заставить замолчать.

Къ разсвѣту гости раздѣляются на двѣ партіи: одна, одноаульцы невѣсты, требуетъ, чтобъ

ее отпустили домой; противная партія, которая увела невѣсту, не выдаетъ ея. Начинается борьба. Если побѣда на сторонѣ невѣстиной партіи, — ее уносятъ на коврѣ въ ея семью; если же отнять не хватитъ силъ,—ее выкупаютъ за девять блюдъ и девять чашекъ какого-нибудь кушанья. Выкупивъ невѣсту, ее точно такъ же торжественно относятъ на коврѣ въ ея юрту и сажаютъ на кровать за занавѣсомъ. Тутъ она плачетъ причитывая, прощается съ отцомъ и матерью и родною семьею, обнимаетъ ихъ, а затѣмъ двѣ молодыя женщины отправляются къ жениху и просятъ пожаловать къ невѣстѣ. Онъ даетъ имъ подарки «за зовъ жениха», беретъ съ собой одного товарища, несущаго съ нимъ небольшіе подарки, и идетъ съ нимъ и пришедшими женщинами къ невѣстѣ. На дорогѣ имъ встрѣчается женщина, лежащая ницъ, притворяясь мертвою; женихъ даетъ ей подарокъ — «старуха умерла». Она встаетъ и идетъ съ ними. Потомъ встрѣчаютъ женщину, бросающую имъ поперекъ дороги бакàнъ. Переступить черезъ бакáнъ считается дурною примѣтою. Женихъ даетъ ей подарокъ; она убираетъ бакáнъ и присоединяется къ нимъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ встрѣчаетъ еще женщину, которая, лежа на землѣ, ворчитъ, изображая собаку. Получивъ подарокъ, изображавшая собаку встаетъ и замыкаетъ шествіе. Роль собаки принимаютъ на себя самыя бѣдныя женщины. У дверей невѣстиной юрты женщина преграждаетъ жениху дорогу; онъ даетъ ей подарокъ, и она впускаетъ его. У занавѣса въ юртѣ его встрѣчаютъ еще двѣ женщины — одной онъ даетъ подарокъ «за поднятіе занавѣса», другой — «за уборку постели». Онѣ берутъ подарки и впускаютъ жениха за занавѣсъ. Тамъ онъ находитъ невѣсту съ ея родственницей — свахой (дженге) и еще одною женщиною, лежащею на постели. Женихъ даетъ ей подарокъ «за сидѣнье на постели». Она сходитъ съ постели и уходитъ за занавѣсъ. Тогда сваха беретъ жениха за руку и позволяетъ погладить невѣсту по головѣ, затѣмъ соединяетъ ихъ руки, получаетъ подарокъ «за обниманіе невѣсты» и уходитъ, оставляя ихъ однихъ.

Киргизъ, спустившій съ руки сокола.

Во все время пребыванія жениха у невѣсты, ея отецъ и мать не видятъ его. По прошествіи трехъ-четырехъ дней, женихъ собирается домой. Отецъ невѣсты присылаетъ ему подарки; товарищей жениха тоже одѣляютъ подарками; но это зависитъ отъ средствъ и щедрости отца невѣсты, этихъ подарковъ можно и не давать. Сваха передаетъ жениху отъ имени невѣсты подарокъ изъ различныхъ мелочей: серьги, кольца и т. д. При въѣздѣ жениха въ свой аулъ, его встрѣчаютъ сестры съ подругами–дѣвушками, и онъ раздаетъ имъ эти вещицы нарасхватъ. Иногда случается, что въ первый пріѣздъ женихъ не входитъ въ юрту невѣсты, а сваха соединяетъ ихъ руки сквозь кереге́, позволяетъ жениху погладить невѣсту по головѣ, и затѣмъ онъ уѣзжаетъ. До взятія невѣсты въ свой домъ, женихъ пріѣзжаетъ къ ней въ годъ по нѣсколько разъ и живетъ по мѣсяцу, но также тайно, т. е. будто-бы тайно, отъ всѣхъ. Дженге устраиваетъ ихъ свиданіе.

Передъ пріѣздомъ жениха за невѣстой, т. е. передъ свадьбой, невѣста ѣздитъ прощаться съ родными и знакомыми; ее сопровождаютъ только дѣвушки, ея подруги. Всѣ даютъ ей подарки, которые принимаютъ за нее ея подруги.

Въ день свадьбы, какъ только аулъ проснется, женщины и дѣвушки собираются въ юрту отца невѣсты и тамъ кроятъ и шьютъ, изъ привезенныхъ женихомъ кошмъ, юрту молодымъ; онѣ же нашиваютъ на нее вырѣзанное разными фигурами разноцвѣтное сукно, заготовленное заранѣе невѣстою. Покончивъ эту работу, ставятъ юрту молодымъ, причемъ даютъ подымать чанаракъ на баканъ самой счастливой въ замужествѣ женщинѣ. Всѣ участвовавшіе въ постановкѣ юрты собираются въ нее съ женихомъ и невѣстой. Пока приготовляется угощеніе для свадебнаго пира, состоящее почти исключительно изъ мяса и кумыса, одна молодая женщина изъ числа гостей одѣвается въ свадебный нарядъ невѣсты и садится на коня, другая, по возможности богато одѣтая, беретъ параднаго коня невѣсты, и обѣ ѣдутъ по своему и сосѣднимъ ауламъ приглашать на свадьбу.

Послѣ угощенія гостей и удаленія съ пира стариковъ, молодежь садится на коней, подъѣзжаетъ къ юртѣ невѣсты и требуетъ *мюшь* (кость отъ задней ноги барана). Мать невѣсты подаетъ имъ эту кость, завернутую въ парчу, полубархатъ, а у бѣдныхъ — въ миткаль. Успѣвшій схватить ее, скачетъ, стараясь скрыться съ нею отъ преслѣдующихъ его товарищей; начинается игра. Тутъ щеголяютъ конями и ловкостью, гоняясь другъ за другомъ и увертываясь отъ преслѣдованій. Нѣсколько разъ эта кость переходитъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, кому-нибудь не удастся ускакать съ нею и скрыться. Если мать невѣсты не дастъ мюшь, стаскиваютъ кошмы съ юрты и волочатъ ихъ по степи. Затѣмъ молодежь требуетъ сватовъ, разыскиваетъ ихъ, если они прячутся, и ведетъ на коняхъ къ юртѣ отца невѣсты, съ передней части которой заблаговременно сняты кошмы. Въ юртѣ сидитъ множество молодыхъ женщинъ. Подведя свата къ отверстію юрты, молодежь схватываетъ его и бросаетъ къ женщинамъ; тѣ колотятъ его, какъ могутъ, пока онъ не уйдетъ отъ нихъ. Ловкій же сватъ, когда его подводятъ къ юртѣ, самъ бросается съ коня въ юрту и, обороняясь отъ женщинъ, успѣваетъ невредимо проскочить въ двери. Потомъ вся молодежь отправляется въ ту семью, куда уводили невѣсту и гдѣ прятали ее въ первый пріѣздъ жениха; тамъ проводятъ время въ играхъ и пѣсняхъ. Жениху и невѣстѣ предоставляется, по желанію, быть тутъ или не быть.

Съ тѣхъ поръ какъ Киргизы приняли магометанство, наканунѣ отъѣзда невѣсты изъ родительскаго дома приглашается мулла. Онъ совершаетъ обрядъ вѣнчанія. Невѣсту и жениха сажаютъ рядомъ въ передней части юрты; отецъ и мать садятся рядомъ съ ними, мулла напротивъ. На правой сторонѣ юрты сидятъ свидѣтели. Передъ женихомъ и невѣстой ставятъ чашу съ водой. Мулла беретъ съ руки невѣсты кольцо, опускаетъ его въ воду и читаетъ молитву. Потомъ спрашиваетъ жениха и невѣсту, желаетъ ли онъ взять ее въ жены и она быть его женой. Затѣмъ вынимаетъ кольцо изъ чаши, передаетъ его невѣстѣ и даетъ жениху, невѣстѣ, ея родителямъ и свидѣтелямъ отпить воды изъ чаши Наконецъ, мулла записываетъ въ метрическую книгу вступившихъ въ бракъ. Гдѣ нѣтъ поблизости муллы, къ нему ѣдутъ свидѣтели и заявляютъ, что такіе-то вступили въ бракъ. Мулла записываетъ ихъ имена въ книгу, свидѣтели подписываются, — тѣмъ церемонія вѣнчанья и ограничивается. Въ болѣе же отдаленныхъ мѣстностяхъ обходятся и безъ этого.

Въ день, назначенный для отъѣзда, поутру, свахи приглашаютъ молодаго въ юрту отца невѣсты, гдѣ, въ присутствіи сватовъ, ему показываютъ приданое, состоящее изъ «девятокъ»: девять ковровъ, девять тонъ (женское платье, покроемъ похожее на нашъ зипунъ, большею частью изъ дорогихъ китайскихъ шелковыхъ матерій, отдѣланныхъ мѣхомъ или галуномъ), девять халатовъ, девять рубахъ и т. д. У самыхъ богатыхъ это увеличивается въ десять разъ, и всего дается по 90 штукъ.

Передъ осмотромъ приданаго, молодую приводятъ въ юрту отца и сажаютъ за занавѣсъ. Она назначаетъ, какую желаетъ взять себѣ лошадь изъ отцовскаго табуна. Затѣмъ женщины одѣваютъ ее въ саукеле, тонъ и проч. Во время одѣванія, она плачетъ, причитая, что теперь

она оторвана отъ своей родной семьи, отъ своего роднаго крова. Приданое и юрту молодой навьючиваютъ на верблюдовъ; ихъ тоже отдаютъ въ приданое.

Когда все готово и лошадь молодой осѣдлана и убрана парадною попоной, молодая обнимаетъ отца и плачетъ, причитая, о разлукѣ съ нимъ; потомъ такъже прощается съ матерью и другими родными и знакомыми. Когда она простится со всѣми, кто-нибудь изъ родныхъ беретъ кусокъ мяса или какой-нибудь другой пищи, завертываетъ его въ лоскутокъ и обводитъ три раза надъ головой молодой, чтобы домашнее счастье не ушло вмѣстѣ съ нею. Передъ тѣмъ, какъ вывести молодую изъ юрты, кто-нибудь изъ молодыхъ парней подъѣзжаетъ на конѣ къ юртѣ и передъ дверью поетъ пѣсню; одна изъ женщинъ, находящихся въ юртѣ, отвѣчаетъ ему пѣснею-же. Парень поетъ:

Желтѣя показывается разсвѣтъ. Бійкемъ (княжна),

Скучаю и страдаю я по тебѣ!
Слетали съ моря два гуся:
Одинъ былъ какъ снѣговая пыль,
Другой сизо-бѣлый — бійкемъ.
Какъ въ ногѣ имѣется чашка и бабка,
Такъ и у царя имѣется сорокъ человѣческихъ умовъ.
Не сокрушайся, что у тебя остается здѣсь отецъ:
Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекоръ.
Не сокрушайся, что у тебя остается здѣсь мать:
Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекровь.

Въ отвѣтъ на это, одна изъ женщинъ поетъ:

Выпавшій сѣгъ весной полезенъ всему живущему;
Задвижется бѣлый берегъ въ зеленомъ лугу.
Сколько бы ни былъ хорошъ мой свекоръ,
Но съ роднымъ, вскормившимъ меня, отцомъ
Ему не сравняться!
Сколько ни была бы хороша моя свекровь,
Но съ матерью, вскормившей меня грудью,
Ей не сравняться!

По окончаніи пѣсенъ, молодую выводятъ подъ руки и сажаютъ на коня. Мать съ кѣмъ-нибудь изъ одноаульцевъ ѣдетъ провожать ее, сваты провожаютъ мо́лодаго. Вся эта процессія, съ верблюдами, навьюченными юртой и приданымъ молодой, отправляется въ аулъ молодаго. Если онъ изъ другой волости, то послѣдній аулъ на границѣ невѣстиной волости требуетъ подарка. Кто-нибудь изъ аульныхъ встрѣчаетъ на конѣ процессію и получаетъ этотъ подарокъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до своего аула, молодой ѣдетъ впередъ, чтобъ дать знать своимъ родителямъ и аулу, что молодая жена его ѣдетъ. Юрта молодой тоже отправляется впередъ. Ее ставятъ собравшіяся женщины и дѣвушки; чанара́къ снова даютъ подымать самой счастливой женщинѣ. Поставивъ юрту, онѣ идутъ на встрѣчу молодой, взявъ съ собой пологъ. Встрѣтивъ ее и поздоровавшись съ ней, молодую снимаютъ съ коня и ведутъ подъ руки; пологъ растягиваютъ передъ ней и такимъ образомъ закрываютъ ее. Подходя къ аулу и своей юртѣ, она нѣсколько разъ преклоняетъ колѣно.

Придя съ молодой въ юрту, ея мать раздаетъ дѣвушкамъ и женщинамъ подарки — кольца, серьги и другія бездѣлушки, а женщинѣ, подымавшей чанара́къ, даетъ миткалю.

Въ слѣдующій вечеръ отъ отца молодаго приходятъ двѣ женщины приглашать молодую къ нему въ юрту; ее ведутъ подъ покрываломъ, и какъ только она переступитъ порогъ, дѣлаетъ поклонъ, преклоняя колѣно, склоняя голову и скрещивая на колѣнѣ руки, кистями внизъ. Свекоръ встрѣчаетъ ее словами: «много твори добра, дочь». Молодая, сдѣлавъ шагъ впередъ, повторяетъ поклонъ, свекоръ говоритъ то же изреченіе. Тутъ постилаютъ сырую баранью шкуру

и приглашаютъ молодую сѣсть, на что она отвѣчаетъ тѣмъ же поклономъ, преклоняя колѣно, но садится только послѣ повтореннаго приглашенія. Затѣмъ подаютъ на блюдахъ мясо всѣмъ гостямъ, кромѣ молодой; ее угощаютъ подруги — молодыя женщины. Свекоръ остатки съ своего блюда тоже подаетъ молодой — она принимаетъ, преклонивъ колѣно, а онъ ей повторяетъ: «много твори добра, дочь», и читаетъ молитву.

Послѣ этого кто-нибудь изъ старшихъ требуетъ, чтобъ открыли лицо молодой. Киргизка показывается съ открытымъ лицомъ всѣмъ младшимъ родственникамъ своего мужа; *старшимъ же* — никогда. Послѣ свадьбы молодая, въ теченіе года, носитъ покрывало и снимаетъ его ранѣе только въ случаѣ траура. Мать малодой подаетъ кому-нибудь изъ молодыхъ людей кусокъ бѣлой дабы. Онъ привязываетъ его на конецъ палки или ружейный шомполъ и поетъ, выпрашивая *керюмдыкъ:*

Пріѣхала сноха, давайте керюмдыкъ! —
Не говорите *то* да *се*, а объявляйте, кто что даетъ?
Верблюда давайте бѣлаго, для счастливаго приплода;
Коня давайте сѣраго, чтобы былъ иноходецъ, да хорошъ собой;
Коровъ давайте черныхъ, чтобы не умирали отъ раны;
Барановъ давайте пестрыхъ, чтобъ изъ чаши не истощалось сало;
Собаку давайте злую, чтобы не пускала со двора ни одной скотины.
Ты скажи, сноха! Ты скажи, сноха!.....
Ты сдержи коня, сноха, осторожнѣе сороки!
Не вздергивай носикъ и губки и не дѣлай сплетень, сноха!
Скрипя своими зелеными сапожками, не гуляй по аулу и не сплетничай, сноха!
Хотя мѣшокъ и не завязанъ, не воруй курта!
Не заставляй мужа вставать ранѣе тебя съ постели.

Отецъ молодаго даетъ косякъ лошадей, мать — верблюда «девятку»; братья и сестры даютъ по своимъ средствамъ. По мѣрѣ того, какъ каждый объявляетъ свой керюмдыкъ, молодая приподнимаетъ покрывало и показываетъ свое лицо. Молодой можетъ и не присутствовать при этой церемоніи.

Изъ юрты свекра молодая возвращается въ свою юрту, гдѣ три или четыре дня проводитъ со своею матерью и подругами, почти не видя мужа. При отъѣздѣ матери молодой, ей подводятъ лошадь молодыя женщины. Отецъ и мать молодаго дарятъ ей верблюда-«девятку», а сопровождающему ее — лошадь и халатъ.

Мать плача прощается съ дочерью, увѣщеваетъ ее быть послушной и дѣятельной. Затѣмъ садится на лошадь и уѣзжаетъ. Молодыя женщины и дѣвушки провожаютъ ее за аулъ; подаренный скотъ ведутъ за нею. Этимъ оканчиваются брачныя церемоніи.

Киргизка въ свадебномъ нарядѣ.

Въ похоронныхъ обрядахъ Киргизовъ есть кое-что схожее съ нашими, есть много своеобразнаго и даже поэтичнаго. Къ умирающему призываютъ муллу или просто грамотнаго человѣка, чтобъ прочитать молитву изъ корана. Если умирающій въ силахъ, онъ повторяетъ слова молитвы. Жена и дѣти присутствуютъ при этомъ, но должны сидѣть совершенно тихо и не плакать. Иногда умирающій дѣлаетъ словесное завѣщаніе, назначая — кому обмывать его трупъ, что поручается всегда самымъ почтеннымъ, уважаемымъ и грамотнымъ людямъ. Мулла или человѣкъ, читавшій молитву, закрываетъ умершему глаза. Въ минуту кончины разсылаютъ гонцовъ въ четыре противоположныя стороны, или просто въ ту сторону, гдѣ кочуютъ волости. Гонцы приглашаютъ народъ на молитву, говоря, что такой-то удостоился быть въ окрестностяхъ Мекки. Всѣ скачутъ тотчасъ въ аулъ умершаго, не жалѣя ни себя, ни коней·

Если загонятъ коня, — не обращаютъ вниманія; если всадникъ убьется до смерти, — не только не считается несчастьемъ, а, напротивъ, счастливымъ событіемъ, такъ какъ черезъ то онъ дѣлается святымъ. За версту до юрты покойника, всадники, на всемъ скаку, начинаютъ перекачиваться на сѣдлѣ въ обѣ стороны и кричать: «Ой-бой, мой хозяинъ! Мой защитникъ! Моя надежда! Мое благосостояніе! Моя опора!» и т. д. Войдя въ юрту умершаго, плачутъ и обнимаются съ его женой и дѣтьми. Родные и дѣти причитаютъ въ такомъ родѣ: «Что мы теперь? Лишились своей Мекки! Защитникъ нашъ упалъ! Свѣтъ нашъ погасъ!..»

Пріѣзжающіе почетные люди обѣщаютъ покровительство и утѣшаютъ ихъ: «Да сохранитъ васъ Богъ въ будущемъ! Вамъ онъ былъ нуженъ, а народу еще болѣе необходимъ; но Богъ его хозяинъ — Его воля!»

Къ женѣ умершаго собираются женщины, снимаютъ съ нея головной уборъ (джаулукъ), расплетаютъ косу и повязываютъ голову кускомъ черной матеріи. Вдова снимаетъ съ себя всѣ украшенія: браслеты, кольца и т. п. То жедѣлаетъ весь аулъ; даже дѣвушки и молодые люди снимаютъ съ шапочекъ укё (украшенія). Послѣ обмыванья трупа, происходящаго съ большими церемоніями, завертываютъ тѣло въ саванъ — ахретъ (тонкая, бѣлая, ташкентская ткань). Мулла кроитъ и сшиваетъ ахретъ, для мужчинъ — въ три простыни, одна больше другой, для женщинъ — въ семь. Мулла завертываетъ тѣло въ ахретъ и завязываетъ его сдѣланными изъ ахрета же завязками надъ головой, по таліи и подъ ступнями. Женщину обмываютъ и завертываютъ женщины. Мулла или грамотный человѣкъ читаетъ коранъ за занавѣсомъ.

Въ день похоронъ на могилѣ сыновья покойнаго раздаютъ подарки — по девяткѣ (по 9 кусковъ матеріи) на каждый родъ, предоставляя представителямъ родовъ дѣлить ихъ.

Любимой лошади умершаго подрѣзаютъ на четверть хвостъ, и никто уже на нее не садится. При перекочевкахъ ее сѣдлаютъ лучшимъ сѣдломъ покойнаго, накладываютъ на нее лучшее его платье и парадный поясъ; шапку прикрѣпляютъ на переднюю луку. Дочь или ближайшая родственница-дѣвушка, верхомъ, ведетъ въ поводу эту лошадь, впереди кочевки. Передъ ней всадникъ везетъ найзу (пику) покойнаго, съ навязаннымъ на ней флагомъ, краснымъ — для молодаго человѣка, чернымъ — для человѣка среднихъ лѣтъ и бѣлымъ — для старика. Во время лѣтняго, весенняго, осенняго и зимняго стойбищъ, найза стоитъ въ юртѣ покойнаго, для чего въ сводѣ юрты прорѣзаютъ отверстіе. Послѣ смерти, три дня мулла приходитъ читать молитвы въ домѣ умершаго; столько же дней въ домѣ не варятъ пищи. По истеченіи этихъ дней, женщины собираются въ юрту вдовы, заплетаютъ ей волосы и вновь надѣваютъ джаулукъ; во время этой церемоніи, она плачетъ и причитаетъ особеннаго рода напѣвомъ. Вотъ одно изъ такихъ причитаній — плачъ жены по молодомъ мужѣ.

«О, царящая, владычествующая надъ всѣми смерть! Ты врагъ живой души, ты всѣхъ древнихъ пророковъ взяла себѣ. Смерть! Ты — темнота и болѣзнь живой души! Голосъ мой идетъ, какъ бушующій вѣтеръ, и вся душа облилась горемъ! Не далъ ты на себя посмотрѣть въ настоящей жизни! Стоны мои раздаются, какъ отъ укушенія фаланги, и я зову тебя, не жалѣя себя. Глаза мои, мой юный другъ, сверкаютъ, какъ у зайца, преслѣдуемаго гончею собакой. Разсталась я съ тобою, горемычная, какъ Козё-Курпешъ съ Баяномъ *(герои любимой киргизской баллады)*. Не пожилъ ты, мой дорогой, хотя двадцати лѣтъ! Не вѣрила я тому, что ты, любезный мой, умрешь, хотя ты и хворалъ. Царствіе тебѣ небесное, мой спутникъ, очевидецъ хорошихъ моихъ дней. Свалилося саукёле съ головы моей. Осталась я теперь скитаться безъ моего друга. Одно осталось у меня желаніе: моего милаго друга еще разъ увидѣть. О, веселая, прошлая моя жизнь! Что теперь будетъ со мною, несчастною? Отъ подругъ своихъ я отстала и сравнялась съ черною землей...»

Характеренъ также и слѣдующій плачъ дочерей объ отцѣ: «Отецъ, ты былъ наше счастіе и достояніе! Оставилъ ты насъ!... О, жизнь ты наша, жизнь обманчивая, отняла ты у

насъ отца! Дай ему въ той жизни царствіе небесное! Ты провелъ свою жизнь въ довольствѣ и былъ богатъ, имѣлъ четыре тысячи головъ скота. Въ ночное время для гостя ты былъ готовъ, какъ днемъ. Ты былъ такой человѣкъ, что при тебѣ плачущее дитя успокоивалось. Безъ тебя крылья наши надломились и сталь наша изогнулась!»

На третій же день, послѣ смерти, колютъ скотъ и дѣлаютъ угощенье сосѣдямъ и одноаульцамъ, но распоряжаются всѣмъ родственники; вдова не принимаетъ ни въ чемъ участія и не выходитъ изъ своей юрты. Цѣлый годъ она закрываетъ лицо. Если въ семьѣ есть сынъ, недавно женатый, то новобрачная, въ знакъ траура по свекрѣ, открываетъ лицо, т. е. снимаетъ покрывало, которое она носитъ въ первый годъ замужества. На седьмой день снова съѣзжается народъ. Тутъ, кромѣ угощенія, раздаютъ подарки обмывавшимъ умершаго.

Изъ сала заколотаго въ этотъ день скота дѣлаютъ восемьдесятъ свѣчъ; ихъ жгутъ по двѣ на закатѣ солнца въ передней части юрты покойнаго; при этомъ читается коранъ. Свѣчи зажигаетъ старшій сынъ; если нѣтъ сыновей, — жена. Когда всѣ свѣчи сгорятъ, т. е. пройдетъ сорокъ дней послѣ смерти, дѣлаютъ большія поминки. Затѣмъ, когда семьѣ удобно, — т. е. не зимой и не ранней весной, — дѣлаютъ поминки съ байгой (состязаніемъ). Всѣхъ приглашенныхъ оповѣщаютъ за мѣсяцъ, что въ такой-то день будутъ поминки и байга, и просятъ привезти съ собой кумысъ. Приглашенныхъ собирается такая масса, что для угощенья и пріема гостей собираютъ, на эти дни, со всей волости ковры, котлы для варенья мяса и блюда.

Степные наѣздники.

Народу на такихъ поминкахъ бываетъ иногда нѣсколько тысячъ. Всѣ бѣдняки, которые только въ силахъ добраться до мѣста, гдѣ совершаются поминки, угощаются наравнѣ съ прочими гостями и, какъ говорятъ Киргизы, наѣдаются до слѣдующихъ поминокъ.

Почти всѣ родные покойнаго принимаютъ участіе и помогаютъ семейству умершаго сдѣлать байгу возможно богатую, для чего привозятъ призы. Первымъ призомъ бываетъ два ямба (ямбъ—слитокъ серебра въ четыре съ половиной фунта) и косякъ лошадей; у богатыхъ даютъ до 200 лошадей на призъ. Призы назначаются 9-ти лошадямъ. Самая обыкновенная дистанція — двадцать пять или тридцать верстъ въ одинъ конецъ, — рысью, и обратно, то же пространство, — карьеромъ. Ѣздоки, большею частью, мальчики восьми, девяти лѣтъ.

Но бываютъ скачки и гораздо труднѣе. Однажды намъ показывали въ Алтайскихъ горахъ мѣсто, гдѣ недавно была байга; половина дистанціи — *въ гору* и *карнизомъ!* Разсказывали въ 1867 году про одну байгу въ Большой Ордѣ, гдѣ состязующіеся должны были обскакать сопку, сдѣлавъ 120 верстъ, и первый призъ состоялъ изъ 9-ти ямбъ серебра, 9 верблюдовъ, 90 лошадей и 900 барановъ. Во время скачки, пока ждутъ лошадей обратно, борятся пѣшіе и конные борцы — одно изъ любимѣйшихъ увеселеній Киргизовъ. Пѣшіе борятся, взявъ одинъ другаго обѣими руками за поясъ, по возможности отодвигаются другъ отъ друга и, нагнувшись, будто два быка, собравшіеся бодаться, долго топчутся на мѣстѣ и кругомъ. Вдругъ, одинъ изъ борцовъ вскидываетъ противника на воздухъ; но еще не побѣда; снова топчутся, натуживаясь и приспособляясь ухватить соперника покрѣпче за кушакъ. Наконецъ, одинъ изъ борцовъ изловчается, перекидываетъ черезъ себя противника и, быстро повернувшись, наступаетъ ему на грудь. Восторгъ и смѣхъ публики неописанный. Борцы на лошадяхъ становятся рядомъ, головами коней въ противоположныя стороны, берутся за руки и стараются стащить одинъ

другаго съ сѣдла. Лошади приэтомъ, разумѣется, прыгаютъ, кружатся; побѣда зависитъ не столько отъ силы, сколько отъ ловкости наѣздника и поворотливости лошади. Сдернувшій соперника съ сѣдла тащитъ его за собой по землѣ вонъ изъ круга, при одобрительномъ крикѣ и гвалтѣ толпы.

Пѣвцы, пѣвицы и сказочники съѣзжаются со всѣхъ сторонъ. Слушать сказки, пѣсни и баллады — одно изъ любимыхъ развлеченій Киргизовъ. Рѣдкіе поминки съ байгой обходятся совершенно мирно. То споры и ссоры изъ-за взявшихъ призы коней, то убьется или расшибется кто-нибудь во время скачки, то борцы озлобятся другъ на друга такъ, что ихъ едва растащатъ.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти назначаютъ еще поминки, во время которыхъ закалываютъ любимую лошадь покойнаго и преломляютъ его найзу. Киргизскія кладбища очень красивы, всегда расположены въ живописной мѣстности, около воды. Муллушки, по-нашему памятники, дѣлаютъ изъ сырцоваго кирпича, въ видѣ высокой четыреугольной каменной ограды, съ башенками по угламъ и дверью съ одной стороны; иногда дѣлаютъ ихъ и конусообразные. Въ оградѣ муллушки хоронятъ по нѣскольку человѣкъ изъ одной семьи или рода. Деревянныя муллушки строятъ въ формѣ домовъ, но съ половины высоты и до крыши стѣны ажурныя, рѣзныя. На могилѣ мужчины втыкаютъ его переломленную найзу, иногда на нее надѣваютъ черепъ любимой лошади; на могилѣ женщины — бака́нъ, дѣвушки — дукъ съ арканомъ, которымъ онъ привязывается къ керегѐ; на могилу ребенка ставятъ его колыбельку.

Бакса (пѣвецъ; соотвѣтствуетъ шаману).

Киргизы относятся къ своимъ дѣтямъ съ большой нѣжностью, и уходъ за ними, сравнительно, хорошій. Новорожденный первые три дня проводитъ въ кошемномъ желобкѣ съ завязками, т. е. въ грубомъ видѣ англійскаго тюфячка. У богатыхъ Киргизовъ шьютъ новорожденнымъ ситцевыя или шелковыя рубашки и одѣяльца, у бѣдныхъ — прямо завертываютъ въ джабагу — верблюжій подшерстокъ, свалявшійся въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ; его снимаютъ съ верблюда весной, когда онъ линяетъ. Джабага мягка и нѣжна какъ пухъ. На третій день происходитъ торжественное переложеніе новорожденнаго въ колыбельку. Киргизская колыбелька плетется изъ тальника, въ видѣ крошечной кроватки на ножкахъ, съ невысокими закраинами и прутомъ для полога; въ нее положена и прикрѣплена постелька изъ джабаги, схожая фасономъ съ англійскими тюфячками, но съ такимъ приспособленіемъ, что колыбельки и постельки всегда опрятны. Приспособленіе это снимаютъ нѣсколько разъ въ день изъ колыбельки и насыпаютъ известью. Положивъ малютку въ колыбельку, мать завертываетъ его въ постельку и припеленываетъ, вѣрнѣе — пеленаетъ широкой тесьмой, вмѣстѣ съ колыбелькой. Такимъ образомъ онъ лежитъ совершенно удобно, можетъ поворачиваться и двигать рученками и ноженками свободно, не рискуя выпасть изъ колыбельки. Мать носитъ колыбельку, какъ корзинку, держа за прутъ, служащій для полога; на лошади она ставитъ ее передъ собой, что вполнѣ удобно. Вслѣдствіе этого удобства носить колыбельку, Киргизки чрезвычайно рѣдко берутъ малютку на руки.

Торжество переложенія въ колыбельку заключается въ слѣдующемъ. Колютъ барана и созываютъ всѣхъ одноаульцевъ. Самая почетная женщина перекладываетъ младенца въ колыбельку, а самый почетный мужчина даетъ ему имя. Въ настоящее время, у богатыхъ даетъ имя мулла, читая при этомъ молитву. Почетная особа даетъ имя, какое взбредетъ на умъ.

Попала на глаза собачья чашка, — онъ даетъ младенцу имя Итъ-айякъ (собачья чашка); Джанамъ-бала (дурной мальчикъ), Кучукъ (щенокъ), Джанъ-тасъ (каменная душа) и т. п. Иногда дѣвушку назовутъ Айгыръ (жеребецъ), Марджанъ (кораллъ) и т. д. Если новорожденный—мальчикъ, то въ день положенія его въ зыбку дѣлаютъ небольшую байгу; пускаютъ на бѣгъ трехлѣтнихъ лошадей (кунановъ) и, разумѣется, происходитъ неизбѣжная на всѣхъ киргизскихъ пиршествахъ борьба «болвановъ», т. е. борцовъ. Потѣхи-ради, борются и женщины, причемъ у нихъ слетаютъ джаулуки и прочія принадлежности туалета. Иногда устраиваютъ потѣшную байгу, на которой, вмѣсто лошадей, пускаютъ бѣжать женщинъ. Онѣ бѣгутъ съ четверть версты. Призъ прибѣжавшей первою — аршинъ ситцу.

Киргизскія аристократки никогда не принимаютъ участія въ этихъ играхъ и присутствуютъ только зрительницами. Когда ребенокъ начнетъ смѣяться, богатые люди снова дѣлаютъ празднество. Празднество повторяется, когда онъ начнетъ ходить. Когда ребенку минетъ три года, снова празднуютъ и его торжественно сажаютъ въ первый разъ на лошадь. До этого времени, его возитъ мать съ собою. Бѣдные дѣлаютъ эту церемонію и позднѣе, когда ребенку минетъ четыре — пять лѣтъ, словомъ когда позволятъ средства. Въ назначенный для праздника день колютъ скотъ и созываютъ одноаульцевъ. Женщины приносятъ съ собой, въ своихъ опояскахъ, куртъ и другіе продукты; входя, бросаютъ ихъ въ переднюю часть юрты, говоря:—«Радуемся вашему празднику, радуйтесь и вы!» Затѣмъ женщинъ помѣщаютъ въ отдѣльную отъ мужчинъ юрту и угощаютъ. Послѣ угощенія всѣ выходятъ изъ юртъ, и начинается потѣшная байга, по окончаніи которой мужчины расходятся, остаются только женщины и одинъ мужчина — самое почетное лицо аула. Женщины идутъ къ юртѣ и выносятъ ребенка, отецъ и мать передаютъ его почетному старику, а тотъ сажаетъ джигиту на сѣдло. Почетному старику дарятъ при этомъ халатъ. Джигитъ возитъ ребенка по аулу, и всѣ ему дарятъ—кто коня, кто подпругу, кто узду, кто куртъ, дѣтское сѣдло и т. д. Киргизское дѣтское сѣдло—съ очень высокими раздвоенными луками, на выступающихъ концахъ которыхъ — круглыя отверстія, куда просовываются палочки, какъ въ нашихъ дѣтскихъ качеляхъ; вмѣсто стремянъ — глубокіе и широкіе мѣшки, прикрѣпленные къ ленчикамъ, куда опускаютъ ножки малютки; палочки поддерживаютъ ребенка съ боковъ, высокія луки представляютъ опору спереди и сзади. Такимъ образомъ онъ сидитъ совершенно безопасно и упасть можетъ только съ лошадью. Сѣдельную подушку, чепракъ, стремена-мѣшки — богато вышиваютъ шелками и гарусомъ.

Лечатся Киргизы у баксовъ (почти тоже, что шаманы) и у «даргеровъ». «Даргеръ» щупаетъ пульсъ больнаго въ обѣихъ рукахъ и вискахъ, вообще — пародируетъ нѣкоторые докторскіе пріемы; лечитъ составляя самъ лекарства и лекарствами привозимыми изъ Ташкента. Въ ходу также и наши лекарства: хина, александрійскій листъ, нашатырь и многія другія. Бакса играетъ на кобызѣ — родъ громадныхъ размѣровъ мандолины, такъ что играютъ на ней, держа инструментъ передъ собой, какъ контрабасъ. Кобызъ увѣшанъ желѣзными подвѣсками различной формы. Никакой опредѣленной мелодіи нѣтъ. Бакса наигрываетъ смычкомъ какія-то дрожащіе, замирающіе, тоскливые звуки; пѣніе совершенно гармонируетъ съ игрою. Мало-по-малу бакса доходитъ до истерическаго состоянія; пѣніе прерывается всхлипываніями, судорожными движеніями; наконецъ, поющій впадаетъ въ изступленіе. Въ этомъ состояніи бакса и лечитъ. Изступленное состояніе зачастую бываетъ и притворное. Иногда одновременно дѣйствуютъ два бакса. Придя въ изступленное состояніе, баксы бросаютъ кобызы и ходятъ кругомъ юрты или, вѣрнѣе— около разведеннаго среди юрты огня. Если ихъ не остановятъ во время, они начинаютъ кусаться между собой, бросать другъ въ друга горящими головнями и т. д.

Семейныя отношенія Киргизовъ — самыя патріархальныя. Мужъ и отецъ — полный властелинъ и господинъ. Жена подаетъ ему ѣду, держитъ стремя, подымаетъ для него дверь юрты; безпрекословно обязана повиноваться ему; провинившейся женѣ связываютъ арканомъ ноги около щиколки, такъ что виноватая ходитъ какъ спутанная лошадь;

употребляютъ въ дѣло и тросточку изъ таволги. Но самое позорное наказаніе для жены-аристократки, если мужъ пошлетъ ее пасти барановъ. Жена и дѣти никогда не произносятъ имя мужа или отца, а говорятъ: «господинъ», или «отецъ». Старшая жена — госпожа и хозяйка въ семьѣ—имѣетъ право ходить по всей юртѣ мужа; младшія жены, хоть бы и любимыя, могутъ ходить только до очага, находящагося по срединѣ юрты. Онѣ никогда не переступятъ этой заповѣдной черты безъ позволенія старшей жены. Большую часть наслѣдства и отцовскую юрту получаетъ «*кенжде*»—меньшой ребенокъ.

У Киргизовъ этикетъ соблюдается строго. Киргизка Акъ-Суокъ (бѣлая кость), жена какого-нибудь султана, не уступитъ въ чопорности курляндскому барону. Напримѣръ, у Киргиза нѣтъ другаго экипажа, кромѣ верховой лошади или верблюда. Но однажды, въ бытность мою въ степи, султанша, ѣхавшая ко мнѣ съ визитомъ, узнавъ, что я пріѣхала въ тарантасѣ, не сочла приличнымъ прибыть иначе, какъ тоже въ экипажѣ. Пріѣхала она въ телегѣ, въ которой, въ видѣ сидѣнья, былъ устроенъ сундукъ, покрытый курпё. Кучеръ, въ чембарахъ и ушастомъ малахаѣ, сидѣлъ на другомъ сундукѣ, изображающемъ козлы, свѣсивъ ноги черезъ передокъ телеги, и, для проформы, держалъ возжи, такъ какъ кони, не знающіе возжей, были незануздапы и ихъ вели верховые Киргизы. Съ султаншей пріѣхала ея компаньонка, дочь обѣднѣвшаго султана. Такъ какъ этикетъ не позволялъ ей сидѣть рядомъ со своей «ханымъ» и ей, дочери султана, сѣсть рядомъ съ кучеромъ немыслимо,—то несчастная тряслась, сидя на бочку телеги, ногами внутрь. Дорога же въ степи, приспособленная только для верховой ѣзды, ужасна для экипажа, и путешествіе, сидя на бочку телеги, не только неудобно, но и рискованно, такъ какъ въ рытвинахъ и буеракахъ можно положительно сломать себѣ шею.

Жалованными халатами, медалями и прочими знаками отличія Киргизы весьма дорожатъ и гордятся. Киргизы, какъ было уже замѣчено, страстные охотники до сказокъ, балладъ, легендъ, пѣсенъ. Большая часть ихъ пѣсенъ — импровизація. Много есть поговорокъ и пословицъ, нѣкоторыя изъ нихъ очень мѣтки и весьма оригинальны. Приведемъ для примѣра слѣдующія: «Пусть лучше жена будетъ обезславлена, чѣмъ сапоги тѣсны». «Гляди на верхушку высокой горы, но къ подошвѣ ея не ходи». «Знай имя великаго человѣка, но къ нему не приближайся». «Не хули лошадь, на которую въ первый разъ сѣлъ, не хули товарища, съ которымъ въ первый разъ сошелся». «У кого рука сильна, у того и войлочный колъ войдетъ въ землю». «Не надѣйся ни на верховую лошадь, ни на свою жену.» «У кого двери худы, къ тому въ юрту не ходи», «у кого мать худая, у того дочку не бери». «Сорокъ поклоновъ тому, у кого разъ отвѣдалъ пищи».

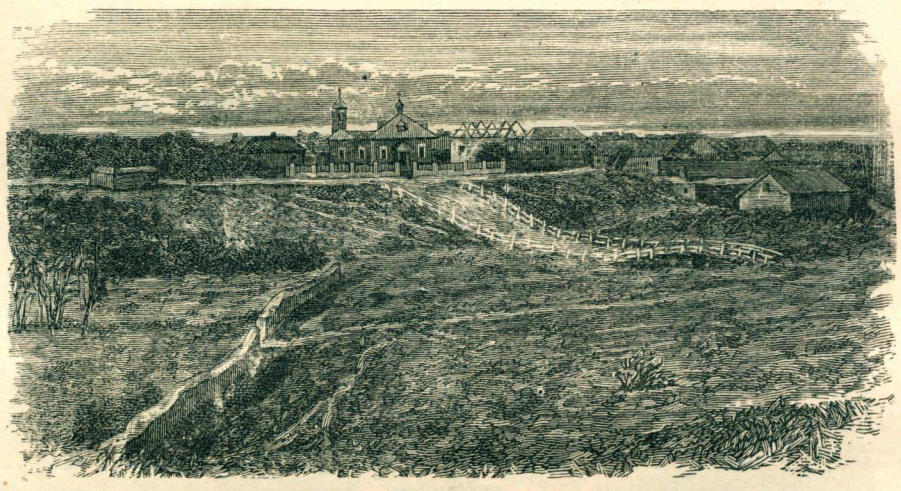
Отъ Аблайкета и до Караджала, послѣдней станціи въ Калбинскихъ горахъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ золотыхъ пріисковъ. Калбинскій хребетъ спускается въ Зайсанскую равнину крутымъ, короткимъ скатомъ. Почтовая дорога изъ Усть-Каменогорска въ Кокбекты, отъ станціи Караджалъ, лежащей на сѣверномъ склонѣ Калбинскаго хребта, поднявшись на перевалъ, идетъ 7 верстъ отлогимъ спускомъ на равнину Караджальскимъ ущельемъ. Это ущелье, образуемое невысокими предгорьями, постепенно сливающимися съ равниною, тѣмъ не менѣе составляетъ зимою главнѣйшее препятствіе на всемъ пути отъ Устькаменогорска до Зайсана. Южные вѣтры, свободно гуляя по широкой площади Зайсанской низины, встрѣчаютъ крутую стѣну Калбинскихъ горъ и отражаются ею. Какъ только подымается вѣтеръ съ южной половины, у подножія Калбинскаго хребта разыгрываются бури, и Караджальское ущелье доверху заваливаетъ снѣгомъ. Почты и проѣзжающіе по недѣлямъ сидятъ на Караджальской станціи или въ Кокбектахъ, выжидая, когда утихнетъ вьюга.

На казакахъ этой станицы лежитъ совершенно своеобразная повинность: когда утихнетъ мятель, они отправляются партіями, человѣкъ въ 50, протаптывать дорогу и выручать засѣвшія почты и проѣзжающихъ. Въ послѣдніе годы устроена спасательная станція, съ колоколомъ, гдѣ пут-

ники, застигнутые вьюгой, находятъ себѣ пріютъ, не рискуя пробираться черезъ Караджалъ или ворочаться въ Кокбекты.

Въ окрестностяхъ Кокбектовъ, въ плавняхъ Зайсана и въ низовьяхъ Кокбектинки, въ камышахъ водится много кабановъ. Казаки охотятся на нихъ послѣ заморозковъ, стараясь выгнать кабановъ изъ камышей на ледъ; казацкія лошади, подкованныя на острые шипы, идутъ по льду свободно, кабаны же скользятъ, и казаки колютъ ихъ пиками. Но даже и при этомъ условіи случается нерѣдко, что кабанъ подсѣкаетъ лошадей.

Въ 1869 году изъ Кокбектовъ въ строющійся на границѣ, 300 верстъ восточнѣе Кокбектовъ, Зайсанскій постъ ѣздили не иначе какъ съ конвоемъ; станцій не было — ихъ замѣняли поставленныя на время проѣзда юрты. Надо было брать съ собой кучера и упряжь, иначе пришлось бы запрягать первобытнымъ способомъ, т. е. привязывая лошадей къ экипажу *за хвосты*. Это практикуется и теперь, чтобъ заводить паромъ или переплыть на лодкѣ черезъ рѣку; лошади плывутъ, одинъ изъ стоящихъ въ лодкѣ держитъ ихъ за хвосты, другой, на рулѣ, направляетъ лодку весломъ. Запряжка лошадей въ тарантасъ была въ тѣ времена крайне затруднительна. На дикихъ, только-что пригнанныхъ изъ табуна лошадей накидывали арканъ, и цѣлая ватага Киргизовъ подтаскивала ихъ, одну за другой, къ невиданному дотолѣ страшилищу — тарантасу. Конь бьется, мечется въ стороны, взвивается на дыбы, падаетъ на землю; но Киргизы мертвой хваткой впились въ него, и буквально висятъ на немъ. Наконецъ, коренника кое-какъ затолкали въ оглобли, запрягли. Точно такой же процедурой подтаскиваютъ и пристяжныхъ, иногда завязавъ имъ глаза; ставятъ пристяжныхъ всегда мордой къ тарантасу, осторожно привязавъ постромки къ хомуту. Наконецъ, все готово; кучеръ — на козлахъ, собралъ въ руки ни къ чему ненужныя возжи; пассажиры — въ тарантасѣ, но сидятъ такъ, чтобы, въ случаѣ опасности, вылетѣть изъ тарантаса безпрепятственно и, слѣдовательно, съ возможно меньшими увѣчьями. Вотъ толпа Киргизовъ разбѣжалась; масса верховыхъ окружила тарантасъ. — «Айда!» Кони взвились, рванули; пристяжныя попали сами собой въ постромки, и летитъ тарантасъ цѣлиною по степи. Впереди его летитъ, словно смертью гонимый, верховой Киргизъ, держащій длинный чумбуръ отъ корневика; его обязанность — направлять бѣшеную, дикую тройку, чтобъ не залетѣла на косогоръ или въ глубокій арыкъ. Несется Киргизъ, сбивъ свой ушастый мѣховой малахай на спину; сидитъ въ полъ-оборота на высокомъ сѣдлѣ, туго держитъ поводъ своего коня; то зорко смотритъ впередъ, выбирая по возможности дорогу, то оглядывается на бѣшено несущуюся за нимъ тройку. Масса верховыхъ Киргизовъ скачетъ вокругъ тарантаса ипомогаетъ гиканьемъ и нагайками направлять бѣгъ коней. Пассажиры сидятъ молча, стиснувъ зубы, крѣпко сжимая рукой бочокъ тарантаса, словно удерживая его отъ паденія. Но эта скачка продолжается только нѣсколько верстъ; затѣмъ, выбившіеся изъ силъ кони едва плетутся, и такъ стремительно вылетѣвшій со станціи тарантасъ еле-еле, шажкомъ, доползаетъ до слѣдующей станціи. Въ настоящее время устроены станціи, кони выѣзжены, такъ что путешествіе на Зайсанъ уже утратило прежнюю оригинальность.

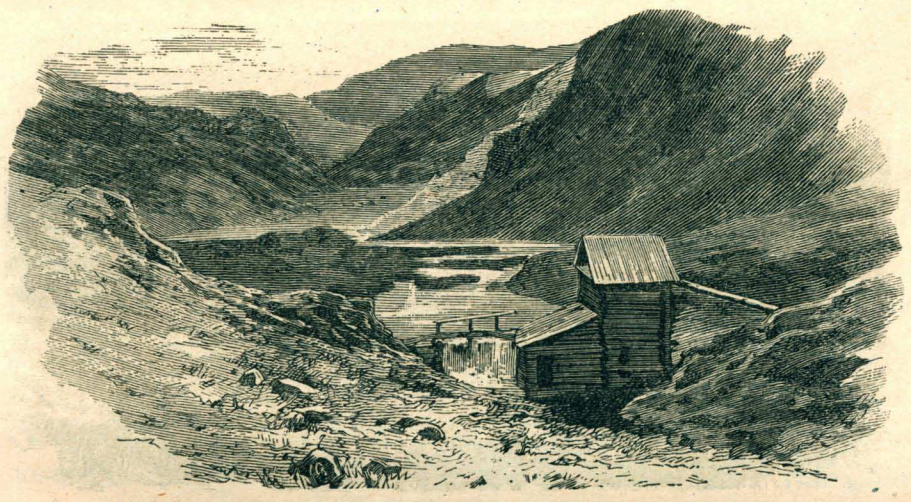

Общій видъ Зайсанскаго поста.

Съ полупути, справа, показывается хребетъ Манрака, и виднѣется проходъ Иссыкъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Манракъ сходится съ Тарбагатаемъ. Мѣстность становится холмистою. За

двѣ станціи до Зайсанскаго поста, синей полоской, влѣво отъ дороги, показывается озеро Норъ-Зайсанъ. Но вотъ и Кичкене-тау, въ буквальномъ переводѣ — маленькія горы, служащія предгоріемъ Саура. Вытекая изъ Саура, сквозь нихъ прорываются быстрыя рѣчки Уйдоне, Джемини, Темиръ-су и Киндерлыкъ. Изъ нихъ только Киндерлыкъ доходитъ до озера, остальныя исчезаютъ въ пескахъ Зайсанской равнины.

Зайсанскій постъ стоитъ на Джемини, у подножія Кичкене-тау, на высотѣ 2,200 ф., и отлогимъ скатомъ спускается въ Зайсану. Прекрасный видъ отсюда! Необозримая Зайсанская равнина, золотистая отъ чіевъ и пашенъ, сливается съ яснымъ, темноголубымъ небомъ. Чистота и прозрачность воздуха удивительныя. На горизонтѣ виднѣется иногда поднятый рефракціей Алтай. Влѣво темнѣетъ точка — Карабейрюкъ (Черная шапка), т. е. отдѣльная сопка на сѣверномъ берегу озера. Ближе видны, рѣзко отдѣляясь отъ желтаго чія, два дерева — «Косъ-агачъ», исполняющія роль маяковъ. Вправо отъ поста темнѣетъ хмурый Сауръ, подымается Сайканъ и бѣлѣютъ вершины Мусъ-тау.

Джеминійское ущелье.

Въ настоящее время Зайсанскій постъ — хорошенькій городъ, съ широкими, правильно разбитыми улицами, обсаженными деревьями троттуарами, т. е. дорожками для пѣшеходовъ, и вдоль нихъ бѣгутъ арыки проточной, чистой воды. Дома большею частью изъ сырцоваго кирпича. Кирпичъ выдѣлывается Торгоутами по 2 рубля за тысячу. Но есть и деревянные дома, такъ какъ лиственичнаго лѣсу много въ Темирсуйскомъ ущельѣ. Церковь очень хорошенькая, деревянная, базаръ, казармы, зимній клубъ. При входѣ въ Джеминійское ущелье — большой городской садъ, съ вокзаломъ, куда переселяется клубъ на лѣто. Черезъ Джемини устроены мосты. На противоположной сторонѣ расположена казачья станица, переселенная съ Бійской линіи.

Почва вокругъ Зайсанскаго поста очень плодородна, овощи родятся такихъ размѣровъ, что хоть на выставку посылай. Плодовыя деревья принимаются отлично и переносятъ зиму. Между тѣмъ въ Семипалатинскѣ, несмотря на жаркое и продолжительное лѣто, плодовыхъ деревьевъ нѣтъ, — они не выдерживаютъ тамъ суровой зимы. Всѣ сады, огороды и пашни орошаются разобранной на арыки Джемини. Къ сожалѣнію, не смотря на плодородную почву и удобное орошеніе, переселенная сюда казачья станица въ очень плохомъ положеніи. Главная причина, какъ кажется, заключается въ томъ, что при переселеніи съ Бійской линіи вызваны были охотники; зажиточнымъ домохозяевамъ, разумѣется, не хотѣлось бросать хорошо устроенное хозяйство, они и наняли всякій гуляющій, разорившійся людъ. Понятно, что съ такими работниками ничего не спорится.

Общество въ Зайсанѣ довольно большое; тамъ стоитъ артиллерія, пѣхота, казаки, есть управленіе приставства, купечество и т. д. Очень оживляетъ городъ масса постоянно толкущихся тамъ Киргизовъ, Татаръ, Торгоутовъ, Китайцевъ и Дунганъ. Въ клубѣ собирается все наличное общество; играютъ въ карты, танцуютъ подъ звуки трехъ скрипокъ и треугольника. Репертуаръ этого оркестра не богатъ: «*чижикъ*» (увы, раздѣлившій нынѣ свою безсмертную славу со «*стрѣлочкомъ*»!), «*барынька*» и еще одна плясовая казачья пѣсня, подъ которую казаки танцуютъ «*восьмерку*», родъ кадрили. Музыка — самая развеселая; подъ нее танцуютъ всѣ танцы — и вальсъ, и польку, и кадриль, и мазурку.

I. XI. Горные проходы по дорогѣ изъ Усть-Каменогорска въ Усть-Бухтарму

Въ Зайсанѣ устраиваются спектакли — играли даже «Ревизора». Въ торжественныхъ случаяхъ жгутъ великолѣпные фейерверки и устраиваютъ иллюминацію.

Ущелья Темирсуйское, Киндерлыкское и Уйдонское—одно живописнѣе другаго; горы покрыты густыми лиственичными лѣсами; около рѣчекъ — точно нарочно саженый паркъ; тутъ растетъ дикій персикъ, барбарисъ, шиповникъ, боярышникъ, смородина, малина и т. д., и т. д. Очень много всякой дичи, — уларовъ, горныхъ рябчиковъ и т. д.; въ лѣсахъ водятся медвѣди; на Саурѣ былъ убитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ барсъ.

Въ Киндерлыкскомъ ущельѣ нашли въ одномъ мѣстѣ массу окаменѣлаго дерева. При выходѣ Киндерлыка на Зайсанскую равнину поселена казачья станица. Отъ этихъ рѣчекъ проведены сѣткой по всей равнинѣ арыки (оросительныя канавы). Между Сауромъ, Тарбагатаемъ и Манракомъ лежитъ возвышенная Чиликтинская долина, на 1,000 ф. выше Зайсана. Поднявшись отъ Зайсанскаго поста тропинкой въ горы, верстъ 8-мь идешь совершенно плоской мѣстностью; затѣмъ спускъ къ Уйдоне, гдѣ находятся гипсовыя залежи; перейдя рѣчку вбродъ, вступаешь въ красивую горную мѣстность. Особенно хороша она при лунномъ освѣщеніи, придающемъ чарующую прелесть какого-то волшебнаго царства; вотъ высокія, красноватыя скалы образовали какъ бы обширный, круглый залъ. Кажется, и выхода изъ него нѣтъ. Темно, мрачно. Гулко раздаются звуки голосовъ и лязгъ копытъ о камни. Зубчатыя вершины стѣнъ, освѣщенныя блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, представляютъ красивыя, мягкія, какъ бы исчезающія въ воздухѣ, очертанія. Изъ зала скрывающаяся за скалою дверь ведетъ въ узкій, длинный корридоръ. Тутъ тоскливо, душно, скалы давятъ. Но вотъ что-то сверкнуло впереди, утесы широко разступились, — и передъ вами веселая, залитая свѣтомъ поляна; по ней вьется, сверкая, переливаясь серебристыми блестками, шумливая, быстрая рѣчка. Тѣневая сторона нависла надъ долиною черной, мрачной громадой; противоположная же, ярко освѣщенная луной, сторона представляется дивнымъ, волшебнымъ замкомъ.

Но хорошъ этотъ путь и днемъ, такъ какъ до Чиликтовъ онъ идетъ красивыми ущельями, невысокими перевалами и долинами. На полпути есть замѣчательная рѣчка, все дно которой усѣяно яшмой всевозможныхъ цвѣтовъ.

Съ одного изъ переваловъ видно далеко уходящее въ горы ущелье Уйдоне, совершенно непроходимое въ этой мѣстности. Пройдя отъ Зайсана 35 верстъ, выходишь на Чиликтинскую долину, имѣющую 80 верстъ длины и 50 верстъ ширины. Слѣва ее замыкаетъ Сауръ, сѣверную и южную окраины — Манракъ и Тарбагатай, сходящіеся у долины и образующіе проходъ Исыкъ (дверь). Въ юго-восточномъ концѣ, при соединеніи Саура съ Тарбагатаемъ, горные проходы сошлись вѣеромъ: къ востоку — Чоганъ-обо и Кергентасъ ведутъ въ долину Кабука; къ югу, — Баймурзинскій проходъ открываетъ путь въ долину Емиля; верстахъ въ 20-ти, западнѣе Баймурзинскаго, лежитъ Боргосутайскій проходъ, удобнѣйшее колесное сообщеніе съ долиной Емиля. Здѣсь, въ самомъ юго-восточномъ углу Семипалатинской области, на китайской границѣ, охватывающей Чиликтинскую долину съ востока и юга, стоитъ или, какъ говорятъ Киргизы, лежитъ нашъ отрядъ, охраняющій проходы.

Въ долинѣ есть киргизскія зимовки и аулы, но пашенъ чрезвычайно мало. Тутъ намъ пришлось видѣть производство кошемъ. Въ юртѣ, наполненной болѣе чѣмъ на аршинъ овечьей шерстью, сидятъ кругомъ, по стѣнкамъ, киргизскія дамы и дѣвицы, оригинально, но весьма мало одѣты,— т. е. у дамъ только шаровары да джаулуки, у дѣвицъ — тоже шаровары и красиво, кокетливо повязанные платки на головахъ. Въ рукахъ каждой женщины, сидящей въ юртѣ, длинная, тонкая палка. Онѣ бьютъ изо всей силы наваленную груду шерсти. Шерсть вздувается, летитъ во всѣ стороны; но онѣ, нимало не смущаясь ни своимъ легкимъ туалетомъ, ни тѣмъ, что можно, кажется, задохнуться, хохочутъ и поютъ. Взбивъ шерсть, ее раскладываютъ толстымъ слоемъ на разостланный на землѣ чій, смачиваютъ горячей водой, и нѣсколько человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, въ тѣхъ же костюмахъ, стоя на колѣняхъ, наваливаются грудью на завернутый конецъ чія и

своей особой скатываютъ или, вѣрнѣе, прокатываютъ его во всю длину чія, затѣмъ раскатываютъ и, опять наваливаясь грудью, продолжаютъ ту же операцію, пока шерсть не сваляется въ плотную кошму.

Южный склонъ Тарбагатая — безлѣсный, но обильно покрытъ травами и кустарникомъ. Рѣка Емиль, довольно широкая, быстрая и мѣстами глубокая, течетъ въ плоскихъ берегахъ, поросшихъ тальникомъ и громадными камышами. По всей долинѣ рѣки Емиля видны слѣды, что тутъ жилъ трудолюбивый, зажиточный народъ. Вся громадная долина почти сплошь покрыта заброшенными пашнями, и только въ запущенныхъ садахъ кое-гдѣ уцѣлѣли плодовыя деревья и кусты. Всюду видны слѣды заводовъ, мельницъ, отличныхъ построекъ. Все это запущено, разрушено; народонаселеніе вырѣзано. Главными дѣятелями этого ужаснаго погрома были Дунганы, но говорятъ, что и Киргизы усердно помогали имъ *чабарить*.

Въ предгорьѣ Архачука мнѣ случилось видѣть стадо сайгаковъ, головъ въ двадцать. Завидѣвъ насъ, они пріостановились, словно изъ любопытства, и стояли, поднявъ головы и уставившись на насъ; но на извѣстномъ разстояніи поворотили, дали два-три громадныхъ прыжка и, затѣмъ, вытянувъ шею, побѣжали рысью, но такъ быстро, что глазъ едва успѣвалъ слѣдить. У насъ были хорошія лошади, но самой бѣшеной скачкой не могли догнать ихъ. Тутъ же, въ камышахъ, водится множество кабановъ. Кабанья поросятина вкусна, особенно хороши котлеты изъ кабаньяго поросенка.

Къ Джаирскимъ горамъ можно идти Архачарскими горами, долиной *Кемпиръ*. Не смотря на такое нелестное названіе долины (кемпиръ — старуха), она положительно поражаетъ своимъ цвѣтущимъ, плодоноснымъ состояніемъ. Правда, здѣсь много змѣй и всякой мелкой дряни въ родѣ фалангъ, скорпіоновъ, тарантуловъ и каракуртовъ, т. е. черныхъ пауковъ, величиною съ лѣсной орѣхъ; укушеніе ихъ производитъ величайшій упадокъ силъ, но больные выздоравливаютъ. Ущелья въ Архачарскихъ горахъ, помимо другихъ деревьевъ и кустарниковъ, изобилуютъ дикими яблонями. Плоды ихъ разнообразныхъ сортовъ очень вкусны; Киргизы и Калмыки привозятъ отсюда яблоки на продажу въ Зайсанъ. Въ долинѣ Кемпиръ находится громадное разоренное селеніе Сарахоусу. Въ селеніи — развалины великолѣпной кумирни. Полъ главнаго зданія выложенъ плитами въ узоръ; стѣны сдѣланы изъ такого же кирпича, какъ и въ Аблайкитской кумирнѣ, и имѣютъ видъ стѣнъ изъ сѣраго мрамора. Въ глубинѣ кумирни, сидятъ громадные, разбитые идолы. Стѣны внутри покрыты рисунками. На одной стѣнѣ изображена прекрасная Китаянка, въ полный ростъ, закованная цѣпью около шеи. Другая стѣна покрыта изображеніями людей, сначала бѣгущихъ въ ужасѣ, потомъ сопротивляющихся. Наконецъ, еще стѣна, раздѣленная на квадраты, и въ каждомъ изъ нихъ отдѣльный рисунокъ. Около кумирни лежатъ груды лѣпныхъ украшеній. На близлежащемъ кладбищѣ мы видѣли въ одной изъ разрытыхъ могилъ гробъ, совершенно такой же формы, какъ наши; какой это гробъ — калмыцкій или китайскій — сказать трудно, такъ какъ тутъ жили и Калмыки и Китайцы.

Калмыки, Торгоуты, живущіе въ долинѣ Кабука, не зарываютъ покойниковъ, а просто завертываютъ въ кошму и бросаютъ тутъ же, гдѣ умеръ, а сами тотчасъ откочевываютъ; затѣмъ родные приходятъ смотрѣть, что сталось съ трупомъ. Если его истребили собаки, хищныя птицы, волки, — покойнаго считаютъ праведнымъ; если же трупъ не тронутъ, — совершаютъ молитвы, пока его не уничтожатъ.

Другая большая, прекрасная кумирня въ Сарахоусу стояла отдѣльно, окруженная валомъ, въ долинѣ Кемпиръ. Деревья около нея, вѣроятно саженыя, поражали своей величиной и объемомъ — двумъ человѣкамъ не охватить. Тутъ же, между деревьями, на землѣ, стояли два чугунные колокола. Покрывавшія ихъ изображенія и орнаменты были очень изящно исполнены.

Отъ предгорій Сайкана, Саура и Кичкене-тау до Чернаго Иртыша, по прямой линіи — верстъ 60; верхомъ дѣлать этотъ переходъ вполнѣ удобно. Берега Чернаго Иртыша, верстъ на 25 до озера, низменные и заросли высокимъ камышомъ. Мѣстами, на берегу, попадаются одинокія

ивы, и на нихъ встрѣчаются попарно рѣчные орлы въ ихъ громадныхъ гнѣздахъ. Попадаются и небольшія рощи тополей. Выше, верстъ на 60, камышей уже нѣтъ, берега покрыты кустами и рощами, а кое-гдѣ и высокими, песчаными, наносными холмами. Выше горы Акъ-тюбе, всего на 200 верстъ, Черный Иртышъ судоходенъ. По сообщеніямъ Матусовскаго и Мирошниченко, рѣка беретъ начало въ снѣговыхъ горахъ Эктагъ-Алтая, въ китайскихъ предѣлахъ, тремя истоками. Иртышъ носитъ названіе Чернаго до впаденія его въ озеро Норъ-Зайсанъ.

Верстахъ въ двадцати отъ озера наиболѣе значительная рыбалка — братьевъ Даньяра и Даута. Отецъ ихъ, говорятъ, былъ бѣглый Черкесъ; у обоихъ братьевъ, особенно у Даута, рѣзко замѣтенъ черкесскій типъ. На этой рыбалкѣ одной тоней вытаскиваютъ двадцать восемь большихъ тайменей. Норъ-Зайсанъ имѣетъ отъ 80 до 100 верстъ длины, отъ 22-хъ до 50-ти ширины и отъ 24 до 40 футовъ глубины. Въ озерѣ и Черномъ Иртышѣ— изобиліе лучшихъ породъ рыбъ, какъ-то: осетровъ, стерлядей, нельмы, таймени, карповъ, линей, щукъ, окуней и другихъ.

Въ 1650 году рыбное богатство озера спасло Калмыковъ отъ голодной смерти, вслѣдствіе чего они перемѣнили его названіе — вмѣсто Кунгшоту-норъ (Колокольное озеро) назвали Норъ-Зайсанъ (Благородное озеро). Въ настоящее время озеро принадлежитъ Сибирскому казачьему войску. По Чугучакскому договору, за Китайцами осталось право владѣть только небольшимъ уголкомъ озера и однимъ берегомъ Чернаго Иртыша. Рыбы вылавливается до 40,000 пудовъ, но цѣны на нее крайне низкія. Пудъ осетрины стоитъ 3—4 руб., нельма — до 2 р. за пудъ, щука, линь, карпъ и проч. — по 50 коп. за пудъ; икра — 20 руб. за пудъ. Приготовленіе икры самое посредственное. Вяленая нельма составляетъ одну изъ главныхъ частей народной пищи въ области. Рыбная ловля начинается въ концѣ апрѣля. Самый сильный уловъ въ маѣ и до конца августа; въ это время рыбаки подымаются вверхъ по Иртышу и въ концѣ октября ворочаются назадъ. Озеро замерзаетъ въ началѣ ноября. Вода подымается въ концѣ апрѣля, во время ледохода, и съ половины іюня до іюля — отъ таянія снѣговъ въ горахъ.

Правый берегъ Иртыша покрытъ песчаными наносами, поросшими орженцомъ, мѣстами таломъ. Отойдя небольшое пространство отъ берега, вступаешь въ отвратительнѣйшую часть Зайсанской равнины, ведущую къ Буконбаю, предгорію Алтая. На пространствѣ около двадцати пяти верстъ, до входа въ ущелье Буконбая, глазу не на чемъ отдохнуть. Выжженная солнцемъ, желто-бурая степь, чій, солончаки, мелкая кварцевая галька и полное отсутствіе воды, если не считать довольно большаго соленаго озерка; къ довершенію удовольствія, здѣсь почти постоянно дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ. Тутъ встрѣчаются куланы, сайги; въ чіѣ много драхвъ и стрепетовъ; на кварцевой галькѣ мелькаютъ, быстрыми изворотами, множество ящерицъ. Видно нѣсколько ауловъ; юрты, вслѣдствіе жестокихъ бурановъ, имѣютъ какой-то растерзанный, истрепанный видъ.

Ущелье Буконбая напоминаетъ, въ маломъ видѣ, ущелья Манрака. Тѣ же причудливыя, красноватыя скалы, ключи прекрасной воды, трава, кусты, преимущественно шиповникъ и боярышникъ... Изъ ущелья выходишь на каменистую пустыню; кромѣ камня и низкорослаго вереска ничего не видно на всемъ пространствѣ. Кварцъ крупными кусками, затѣмъ гранитъ, шиферъ, глинистый сланецъ и песчаникъ. Мѣстность идетъ отлогими подъемами и спусками, верстъ на двадцать до Такыра, небольшой рѣчки, поросшей тальникомъ, протекающей недалеко отъ входа во второе ущелье, совершенно схожее съ первымъ, только идущее около двухъ верстъ. Въ немъ держатся стада горныхъ рябчиковъ. Отъ Такыра до Санташа тянется снова таже каменистая пустыня на тридцать слишкомъ верстъ. Говорятъ, что здѣсь чрезвычайно много тетеревей. Видъ этой безотрадной, мертвенной пустыни производитъ удручающее впечатлѣніе.

На Санташъ есть другой путь, отъ Кокбектовъ на Буконь, станицу, переселенную съ Бійской линіи, и на Мечеть — селеніе, основанное еще въ тѣ времена, когда въ этой пограничной мѣстности, куда почти не достигало вліяніе русскихъ и китайскихъ властей, селился

бѣглый людъ: наши и китайскіе каторжники, солдаты, крестьяне, Черкесы, преимущественно Татары. Весь этотъ сбродъ былъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ Чоло-казаковъ. Въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Чоло-казаки были приписаны къ киргизскимъ волостямъ и, по большей части, слились съ Киргизами; но значительная ихъ часть, водворившаяся въ Мечети, хотя и включена въ составъ Караулъ-Иссыковской волости, Усть-Каменогорскаго уѣзда, но составляетъ нѣчто совершенно особое и этнографическимъ своимъ типомъ вполнѣ отличается отъ Киргизовъ. Мечетскіе Чоло-казаки живутъ осѣдло. Въ селеніи есть мечеть, школа и порядочныя лавки. Сельчане выкочевываютъ только во время жаровъ въ горы, такъ что перекочевка имѣетъ какъ бы характеръ переѣзда на дачу. Жители занимаются преимущественно торговлей. Мечеть стоитъ на Букони, некрасивой рѣчонкѣ, съ глинистыми, крутыми, мѣстами стѣной срѣзанными берегами, въ 10-ти верстахъ отъ впаденія ея въ Иртышъ; между Мечетью и Иртышемъ глубокіе пески, поросшіе орѣнцомъ и чіемъ. Черезъ Иртышъ есть постоянный хорошій паромъ, и на немъ переѣзжаютъ къ зеленому, цвѣтущему Курчуму — одной изъ красивѣйшихъ и благодатнѣйшихъ мѣстностей Семипалатинской области. Вся эта мѣстность занята зимовками и аулами Киргизовъ.

Киргизъ съ убитымъ мараломъ.

Рѣка Курчумъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ правыхъ притоковъ Иртыша, впадаетъ въ него почти противъ устья Букони. Протекая глубокимъ ущельемъ, Курчумъ раздѣляетъ Алтай на два параллельныхъ хребта: сѣверный, Нарымскій, болѣе высокій и скалистый, почти упирается въ Иртышъ крутымъ, скалистымъ мысомъ; южный, Курчумскій, ниже, отложе, далеко не доходитъ до Иртыша, кончаясь отлогими скатами. Предгорьями его можно считать Буконбай и Карабирюкъ, лежащій совершенно отдѣльно на равнинѣ. Нарымскій и Курчумскій хребты покрыты богатѣйшею растительностью. Курчумская долина — одна изъ богатѣйшихъ, живописнѣйшихъ мѣстностей. Она славится, какъ и вообще Алтай, обиліемъ всякаго пушнаго и инаго звѣря. Здѣсь водятся медвѣдь, маралъ, горный козелъ, соболь, считающійся лучшимъ послѣ якутскаго и баргузинскаго; говорятъ даже, что на горѣ Сары-тау, — отдѣльной, высокой горной группѣ Курчумскаго хребта, — водятся лоси. Присутствіе кварца дало поводъ искать здѣсь золото, но попытки были совершенно безуспѣшны.

Однажды мнѣ случилось быть въ Курчумской долинѣ во время волостнаго съѣзда. Болѣе оживленную и пеструю картину трудно себѣ и представить. Всюду раскинуты таборами юрты и синія и красныя палатки. Около нихъ богато убранныя лошади, верблюды. Народъ кишмя-кишитъ, точно потревоженный муравейникъ. Въ воздухѣ стоитъ непрерывный шумъ и гамъ. Чего и кого только нѣтъ тутъ! Тутъ есть пѣвцы, пѣвицы, сказочники, импровизаторы, баксы, дѣти, бабы..... Кромѣ нашихъ Киргизовъ, есть и Киргизы, такъ-называемые «невѣрноподданные», отличающіеся почти китайскимъ костюмомъ. Пригнаны табуны спорнаго и барантованнаго (награбленнаго) скота и т. д., и т. д.

Около юрты уѣзднаго начальника Киргизы — какъ пчелы около улья. Стоятъ, сидятъ, лежатъ. Кто не смогъ забраться въ юрту, заглядываетъ въ дверь. Съ боковъ и снизу кошмы на юртѣ раздвинуты, приподняты, — и всюду киргизскія лица. Они переговариваются между

собою, съ окружающими и съ находящимися внутри юрты. Такъ какъ Киргизъ говоритъ всегда во весь голосъ, а голосъ у него здоровый, то гвалтъ выходитъ невообразимый. Повременамъ раздается голосъ уѣзднаго начальника: «Даустама!» (молчать!). На секунду все стихнетъ; но снова, будто прорвавшись, говоръ и гвалтъ поднимаются еще сильнѣе.

Каждое утро засѣданіе съѣзда подъ открытымъ небомъ. На сундукѣ, погребцѣ или табуретѣ сидитъ «*Уѣздъ*», — такъ зовутъ Киргизы уѣзднаго начальника. По сторонамъ его—переводчикъ, письмоводители, волостные старшины, біи и мулла. Громадная толпа окружаетъ небольшое свободное пространство, на которое выступаютъ дѣйствующія лица. То выходитъ хорошенькая, совсѣмъ юная бабенка и заявляетъ, что не желаетъ болѣе жить съ своимъ мужемъ. Она говоритъ горячо, жестикулируя; мужъ перебиваетъ ее; свидѣтели съ обѣихъ сторонъ орутъ; присутствующая публика думаетъ вслухъ, т. е. тоже оретъ; остряки отпускаютъ шутки; хохотъ, крикъ, гвалтъ; біи и волостные кричатъ, унимая народъ. Наконецъ, грозное «даустама!» «Уѣзда» и отчасти тросточки біевъ — водворяютъ сравнительную тишину. Если бабенка не имѣетъ серьезныхъ поводовъ къ разводу, а просто блажитъ, — съѣздъ возвращаетъ ее мужу, и она удаляется, хмурая и гнѣвная, съ сіяющимъ супругомъ, подъ градомъ насмѣшекъ. Вотъ богатый Киргизъ неправильно отобралъ скотъ у бѣдняка. Съѣздъ приговариваетъ возвратить бѣдному отобранный скотъ и такое же количество — въ видѣ штрафа. Коричневая физіономія бѣдняка просіяла; бѣлые зубы ласково оскалились; онъ снимаетъ свой мохнатый малахай и, поджимая руки подъ ложечкой, быстро и низко кланяется. Затѣмъ взлѣзаетъ на свою лошаденку, съ деревяннымъ некрашенымъ сѣдломъ, такими же стременами и веревочной сбруей, и торжественно уѣзжаетъ, погоняя присужденный ему скотъ... Вотъ на сцену вышли: довольно еще молодая и очень развязная Киргизка, старуха и хорошенькая тринадцатилѣтняя дѣвочка. Бабы начинаютъ кричать въ два голоса, отчаянно жестикулируя, то обращаясь къ съѣзду, то переругиваясь между собою, — и тащатъ дѣвочку каждая къ себѣ, наскоро расточая ей ласки и уговоры. Это одна изъ самыхъ обыденныхъ исторій въ киргизскомъ быту.

Молодая и, очевидно, вѣтреная маменька, оставшись вдовой, не пожелала заняться прокармливаніемъ и воспитаніемъ своего ребенка, а потому и отдала ее «въ дочери» старухѣ. Когда же дѣвочка подросла, оказалась очень хорошенькой и ее стали сватать богатые женихи, — она стала очень цѣннымъ товаромъ. Маменька заявила свои права и передъ съѣздомъ очень патетично рыдала и умоляла возвратить ей «дорогую» ея дочь. Старуха кричала, что дѣвочка отдана была ей годовой, она вскормила и воспитала ее, дала матери столько-то скота за уступленную дочку; вопила, что дѣвочка сама нейдетъ отъ нея къ матери. При этомъ обѣ обращаются къ дѣвочкѣ съ самыми страстными уговорами, ласками и плачемъ. Виновница всей этой кутерьмы молчаливо поглядываетъ кругомъ, какъ испуганный звѣрокъ, но придерживается рученкой за рукавъ старухи. Съѣздъ спросилъ дѣвочку, съ кѣмъ она желаетъ жить? Она заявила, что желаетъ остаться у старухи, и была передана ей, но съ тѣмъ, что калымъ будетъ раздѣленъ пополамъ между легкомысленной маменькой и небезкорыстной воспитательницей. Послѣ этого приговора, плачъ и рыданья маменьки мгновенно прекратились, и всѣ три остались вполнѣ довольны рѣшеніемъ.

Но вотъ дѣло болѣе сложное — тутъ участвуетъ масса народа. Въ Алтыбаевскомъ родѣ, ведущемъ свое начало отъ знаменитаго батыря Борака, имя котораго и теперь служитъ у нихъ боевымъ кликомъ, уродилась такая нравная красавица, что сладу съ нею нѣтъ. Пользуясь правомъ, даннымъ русскимъ правительствомъ, выходить замужъ по желанію, эта, независимаго нрава дѣвица, высокая, статная, выпроваживала жениховъ, говоря, что она не раба и не кобыла, чтобъ ее продавать, да и калыма такого нѣтъ, чтобъ ее купить. Вѣроятно, эта недоступность и свела съ ума киргизскихъ жениховъ. Чѣмъ больше и позорнѣе она ихъ гоняла, тѣмъ больше они лѣзли со всѣхъ сторонъ, стали даже пріѣзжать изъ-за границы «невѣрноподданные». Словомъ, гремитъ слава этой «Батырь-кызъ» на весь край. Какъ ни

бились съ ней родные и родовичи, — она и ухомъ не ведетъ, и — вдругъ исчезла!... Вотъ это-то исчезновеніе и разбиралось съѣздомъ. Родные и родовичи доказывали, что она сама сбѣжала, неизвѣстно съ кѣмъ и куда. Имъ возражали свидѣтели, что ее связанную умчали родовичи заграницу и тамъ продали въ замужество. Шуму и крику было вдоволь, но исчезнувшая дѣвушка не нашлась, и чѣмъ окончилось это дѣло — неизвѣстно.

Низовья Курчума имѣютъ одно неудобство — необыкновенно большое количество змѣй. Впрочемъ, у Киргизовъ есть и предохранительныя средства, и свои способы леченія отъ укушенья. Они увѣряютъ, что если постлать постель на овчинѣ и кругомъ положить арканъ (волосяную веревку), ни одна змѣя не переползетъ черезъ арканъ и не всползетъ на овчину. Укушеннаго змѣей лечатъ припарками, сдѣланными изъ муравейника, сгребеннаго цѣликомъ въ котелъ, гдѣ его кипятятъ, прибавивъ немного воды. По другому способу леченія, перетягиваютъ волосомъ, возможно туго, укушенную ногу или руку, дѣлаютъ на ранкѣ разрѣзъ и высасываютъ кровь.

Дорога съ Курчума на Санташъ идетъ по предгорью Буконбая, огибая южный склонъ Алтая. Справа разстилается Иртышская равнина; мѣстами виднѣется Иртышъ; вдали — вершины Саура-Сайкана и вѣчные снѣга Мустау. Буконбай со стороны Курчума спускается къ равнинѣ высокими, крутыми и живописными склонами. Въ зеленыхъ, цвѣтущихъ ущельяхъ порхаетъ и щебечетъ множество птицъ; здѣсь же ютятся киргизскія зимовки; иная изъ нихъ приткнулась въ углубленіи между скалъ, какъ орлиное гнѣздо, высоко, на крутомъ склонѣ.... Богъ знаетъ, какими соображеніями ее туда занесло, но чрезвычайно картинно!.. Съ Санташа начинается лѣсистая мѣстность. Отсюда можно, перейдя вбродъ Курчумъ, выйти на перевалъ Чурчутъ-асу, къ верховью Нарыма, берущаго свое начало съ небольшаго перевала, Бель-карачай, съ котораго къ востоку открывается долина верхней Бухтармы, а къ западу идетъ долина Нарымская. Бухтарма, описавъ большую дугу, впадаетъ въ Иртышъ около Усть-Бухтармы.

Начиная съ Бель-карачая, Нарымскій хребетъ, отклоняясь къ югу, постепенно понижается, представляя многіе проходы. Одинъ изъ нихъ, Теректинскій, предполагалось сдѣлать колеснымъ путемъ на Курчумъ.

Съ Майтерека, урочища, гдѣ стоитъ нашъ отрядъ, отъ Санташа верстахъ въ двадцати, кратчайшій путь въ Бухтарминскую долину черезъ перевалъ Сарымсакты, спускающійся къ самому Котонъ-карачайскому посту. Онъ необыкновенно живописенъ, но чрезвычайно каменистъ и крутъ; другой путь въ Бухтарминскую долину, болѣе кружный, но сравнительно болѣе удобный, ведетъ вдоль сѣвернаго берега озера Марка-уля, вдоль праваго берега Кабы, на Бурхатскій перевалъ, спускающійся къ урочищу Чинистай. Бродъ чрезъ Курчумъ — одинъ изъ неудобныхъ, такъ какъ дно его усѣяно гладкими, словно отшлифованными камнями и лошади очень трудно идти. Но мѣстность кругомъ прелестная, — рощи, цвѣты, кусты, ягоды, грибы, не говоря уже, что всякаго звѣрья и птицы множество. Чурчутъ-асу очень лѣсистъ; видовъ съ него положительно нѣтъ, но самъ по себѣ онъ очень живописенъ. На лужайкахъ — массы яркихъ цвѣтовъ; разбросаны красивыя купы деревъ между скалами, такъ вычурно-картинно поставленными, что пейзажъ весьма напоминаетъ театральныя декораціи. Порой такъ и кажется, что вотъ-вотъ выйдутъ чудно одѣтые пейзаны и изобразятъ какой-нибудь удивительный танецъ.

Не таковъ угрюмый и величавый Бурхатъ. Со стороны Кабы на него ведетъ каменистый, безлѣсный подъемъ, мѣстами только отцвѣченный синими сенціанами или лиловыми и палевыми цвѣтами иванъ-да-марья. Но оглянитесь назадъ — что за дивная панорама! Обширная, роскошная долина Кабы, съ красивыми лѣсами и рощами, пригорками, рѣкой и выступающей громадой *Тау-теке*, покрытой, какъ серебряной фатой, выпавшимъ снѣгомъ. Тау-теке дано названіе по имени находящихся тутъ горныхъ козловъ.

Перевалъ на Бурхатъ — на высотѣ 8,000 футовъ. Тутъ стоятъ пограничные знаки, китайскій и русскій. Кругомъ — камни да залежи снѣга... мертвая, ненарушимая тишина. Спускъ къ

Т. XI.

Скала Коке-Даба.

Бухтармѝнской долинѣ начинается осыпью огромныхъ, торчащихъ грудами, камней. Всякій разъ, когда приходится идти по нимъ въ дождь или снѣгъ, изумляешься, какъ лошади не переломаютъ себѣ ногъ. Спускъ проходитъ по карнизу, надъ пропастью. Самый безотрадный, унылый видъ. Но, пройдя еще немного, невольно останавливаешься, какъ очарованный: вся Бухтарминская долина, на сколько глазъ можетъ обнять ее, открывается передъ вами; за нею подымается Алтай. Грозная Бухтарма представляется чуть замѣтнымъ ручейкомъ, извивающимся между кустами, въ дѣйствительности, березовыми и осиновыми рощами. Влѣво, въ тридцати верстахъ отъ спуска съ Бурхата,—Котонъ-Карачайскій постъ и станица, кажущіеся отсюда небольшимъ пятномъ, раздѣленнымъ на свѣтлыя точки — это крыши построекъ. За Бухтармой тоже виднѣются сгруппированныя свѣтлыя точки—постройки деревень Черновой и Бѣлой, звѣровщиковъ-старообрядцевъ.

Отъ подножія Бурхата долина сходитъ къ Бухтармѣ широкими террасами, сначала покрытыми лѣсомъ, потомъ кустарникомъ, и послѣднія террасы—роскошной травой и цвѣтами. Это урочище называется Чингисъ-Тай, на высотѣ 3,263 фут. Въ прежнее время тутъ былъ китайскій пикетъ, въ настоящее время — казачій «*бекетъ*», какъ говорятъ казаки. Куда ни обернись, на чемъ ни останови взглядъ, — всюду грандіозная, дивная картина. Громады горъ, замыкающія со всѣхъ сторонъ горизонтъ, не тѣснятъ, не давятъ; такъ велико, громадно видимое пространство, что зеленые, темно-красные, снѣговые хребты, окружающіе васъ, кажутся совершенно доступными ступенями къ синей лазури.

Чингисъ-Тау считался у Киргизовъ лучшимъ зимнимъ стойбищемъ, потому что снѣгъ выдувается вѣтромъ, и корма для скота достаточно. На лѣто же Чингисъ-Тауская волость перегоняетъ свои стада и табуны на правую сторону Бухтармы, въ горы, — на высоту, невозможную ни для какихъ посѣвовъ, а слѣдовательно и поселеній, но драгоцѣнную для Киргизовъ именно потому, что здѣсь нѣтъ мошекъ, комаровъ, оводовъ и пр. А пастбище богатѣйшее, можно кочевать до зимы. Крестьянамъ-звѣровщикамъ Киргизы не только не мѣшали въ ихъ промыслахъ, но, по словамъ самихъ звѣровщиковъ, не разъ выручали ихъ изъ бѣды. На свою, лѣвую сторону Бухтармы, Киргизы совершенно свободно пускали крестьянъ на промыселъ. Чего бы, кажется, лучше? Но нашлись аферисты, затѣявшіе прибыльную забаву. Съѣздятъ къ томскимъ властямъ, получатъ «бумагу», разрѣшающую «селиться» на правомъ берегу Бухтармы, безъ точнаго обозначенія мѣста и количества земли; а то такъ и безъ «бумаги» является любитель дешевой наживы и ставитъ избушку на курьихъ ножкахъ среди киргизскихъ пастбищъ. Куда ни сунься Киргизъ, — потрава, значитъ, — «штрафъ». Понравился этотъ пріемъ и сразу такъ привился, что даже и на лѣвой, киргизской сторонѣ начали вспахивать полоски земли, какъ вѣрный поводъ къ потравѣ и штрафамъ. Не платитъ Киргизъ штрафа, — колесо набьютъ ему на шею въ видѣ колодки, увезутъ въ деревню, на цѣпь посадятъ. Какъ ни добродушны, какъ ни простосердечны Киргизы, а такія дѣйствія и ихъ вывели изъ терпѣнія, — начались «безпорядки». Много и долго переписывались разныя начальства. Пришло, наконецъ, изъ Омска повелѣніе — изгнать Киргизовъ съ праваго берега Бухтармы, не соображая, что у этихъ же Киргизовъ урѣзали ихъ пастбища на лѣвой сторонѣ Бухтармы, подъ новые казачьи поселки; что Киргизы безпрекословно отдали ихъ, не напоминая объ обѣщаніи, даннымъ при принятіи ихъ въ подданство—сохранить имъ ихъ земли; что, отдавъ часть земли казакамъ, Киргизы живутъ съ ними вполнѣ мирно. И на этомъ же самомъ Чингисъ-Тау, гдѣ такъ привольно зимовала прежде цѣлая киргизская волость, въ первую же зиму Киргизамъ пришлось потерять половину своего скота отъ голода; на слѣдующую зиму имъ грозила неминуемая опасность потерять остальной скотъ, — и Киргизы бѣжали заграницу. При этомъ убито въ схваткахъ съ отрядами, посланными «возвращать» ихъ, человѣкъ 30 казаковъ и столько же ранено. А сколько убито Киргизовъ, сколько утонуло женщинъ и дѣтей при переправѣ вплавь черезъ Бурчумъ, когда, бросивъ все свое имущество, они спасались отъ преслѣдованія!... И во всемъ этомъ повинно одно только канцелярское недоразумѣніе!..

На Чингисъ-Тау идетъ съ Котонъ-Карачая, военнаго поста и станицы, хорошій колесный путь и отсюда разработанъ на поселенную недавно казачью станицу на Урулѣ. Мѣстность постепенно повышается, и Уруль находится на высотѣ 3,842 ф. Между Чингисъ-Тау и Урулемъ есть двѣ замѣчательныя гранитныя группы. Одна стоитъ посединѣ долины и къ сторонѣ дороги выходитъ полукруглой, громадной скалой, составленной какъ бы изъ кусковъ гранита, между которыми, сверху до низу, точно натыканы елочки. Чрезвычайно оригинально и красиво! Тамъ опять, будто брошенная на долину груда камней — небольшая гранитная группа; въ ней есть скала, на которой образовалось совершенно правильное круглое окно.

Станица, переселенная въ 1872 г., первоначально выстроилась вдоль рѣчки Уруля. Теперь она уже вытянулась въ нѣсколько порядковъ, такъ что поднялась на полгоры. Красивое, благодатное здѣсь мѣсто; но казаки-переселенцы съ тоской вспоминаютъ свою родимую Бійскую линію и, не смотря на всѣ здѣшнія угодья, со вздохомъ говорятъ: «Хоть бы Богъ привелъ помереть *на старинѣ*». Казаки Бійской линіи — отличные хозяева; на своей «старинѣ» они жили зажиточно, чтобъ не сказать — богато. Рѣчка Уруль полноводная и быстрая; по берегамъ красивыя березовыя рощи, кругомъ, по предгорьямъ, всякія ягоды, великолѣпныя, крупныя, какъ рѣдко бываютъ и садовыя. Прямо передъ станицей подымается гора Сартапсенъ,— некрасивая, тоску нагоняющая. Правду говорятъ станичники, что гора «будто бы свѣтъ загораживаетъ». Сартапсенъ подымается ровнымъ, темно-зеленымъ, почти вертикальнымъ скатомъ, съ верхушкой, срѣзанной некрасивой прямой линіей, что особенно придаетъ горѣ тяжелый, угнетающій видъ стѣны. Стали было здѣшніе казаки, по примѣру Мало- и Больше-Нарымскихъ казаковъ, крестьянъ и звѣровщиковъ, вывозить хлѣбъ Бухтарминской долиной на Суокъ, въ Кобдинскую провинцію (въ урожайный годъ здѣсь пшеница, въ продажѣ, по 16 коп. пудъ, въ Кобдо же платили по 8-ми руб. за пудъ); но вывозъ хлѣба почему-то запретили. Куда съ нимъ дѣваться? Бухтарма хоть и подъ руками, да для судоходства немыслима. Придется везти гужемъ до Красныхъ Ярковъ на Иртышѣ. Оттуда еще остается огромное разстояніе до Перми. Словомъ, выходитъ, что «за моремъ телушки по полушкѣ, да провозу — рубль». Не гнить же, однако, хлѣбу!... Ну, и принялись станичники «*самосидку* гнать». А отъ нея результатъ извѣстный — избитая баба, запущенное хозяйство да хворости.

Отъ Уруля колесная дорога подымается на Сартапсенъ. На Сартапсенѣ пашенъ нѣтъ, но пастбища богатѣйшія, такъ что урульскіе казаки не скармливали скоту и не выкашивали всего принадлежащаго имъ количества пастбищъ.

Изъ-за хвойныхъ лѣсовъ, справа отъ дороги, показываются въ этомъ мѣстѣ отлогія вершины Нарымскаго хребта, покрытыя сверкающей какъ сталь, свѣжей осыпью. Влѣво грандіозная группа гранитныхъ горъ, схожихъ съ группами передъ Урулемъ. Между ними идетъ кочевой тропинкой подъемъ на горный массивъ Коке-Даба. Колесный путь обѣгаетъ его. На Коке-Даба тропинка вьется между кедровымъ лѣсомъ, вершина же представляетъ обширную равнину, окаймленную гранитными скалами и лѣсомъ. Замѣчательно хороша скала съ лѣвой стороны дороги, — настоящій готическій замокъ, съ башнями, выступами и т. д.

Съ урочища Табатье (на высотѣ 4,596 фут.) открывается великолѣпный видъ на Бухтарминскую долину. По берегу рѣки березовыя и хвойныя рощи. Съ правой стороны идетъ Нарымскій хребетъ, окутанный до половины густымъ лѣсомъ. Противоположный берегъ Бухтармы — каменистый хребетъ, поросшій мѣстами кустарникомъ и травой, и по этимъ-то кручамъ Киргизы пасутъ барановъ и козъ. Пастухъ разъѣзжаетъ на быкѣ. Просто духъ замираетъ, глядя на него, когда, забравшись на вышину, онъ начинаетъ спускаться на какой-нибудь выступъ скалы. Такъ и кажется, что быкъ оборвется и полетитъ въ пропасть вмѣстѣ съ пастухомъ...

Чрезвычайно красивы аулы, разбросанные въ долинѣ. Между купами деревъ бѣлѣютъ юрты, мелькаютъ синія одежды и бѣлые джаулуки женщинъ, яркіе, красные головные уборы дѣву-

Рѣка Чиндагутуй Семипалатинской области.

шекъ, фигуры всадниковъ и женщинъ верхомъ, стада, табуны... Мѣстами долину пересѣкаютъ бѣгущіе съ шумомъ въ горъ ручьи, окаймленные, какъ саженными аллеями, рядами лиственицъ. Посреди̇нѣ долины, гдѣ ручей разливается шире, — красивыя рощи. Вся долина — богатый цвѣточный лугъ, оживленный массой пташекъ; охотясь за ними, кружатся надъ долиной коршуны. Въ долинѣ и на Сартапсенѣ такая масса клубники, что у лошадей копыта красныя.

Мѣстами и тутъ встрѣчаются киргизскія пашни; но ихъ почти всегда снимаютъ зелеными, потому что даже ячмень не успѣваетъ вызрѣть. Приближаясь къ Тау-текеле, горному проходу, верстахъ въ 10-ти отъ Табатовъ, вступаешь въ прелестную, точно правильно саженую и расчищенную сосновую рощу; въ ней—деревянный срубъ для пикета. По хорошему мосту, перекинутому черезъ бурливую рѣчку, выходишь на очаровательную часть Бухтарминской долины. Такъ все изящно-красиво, зелено, цвѣтуще, какъ бы прибрано кругомъ, что забываешь размѣры картины, стушевываются горныя громады и получается чуть не впечатлѣніе прогулки по выхоленному европейскому парку!...

Въ горахъ Тау-текеле много горныхъ козловъ и мараловъ, медвѣдей и другихъ звѣрей; звѣропромышленность довольно развита. Около Тау-текеле изобиліе лучшихъ ягодъ—земляники, клубники, малины, черной и красной смородины, крыжовника и т. д.

Съ Тау-текеле переходъ верстъ въ пять на урочище Арчеты. Съ этого мѣста есть бродъ черезъ Бухтарму, и среди долины стоитъ прекрасно построенная, обширная зимовка Уркунчи, принадлежащая богатому Киргизу. Въ Арчетахъ долина переходитъ въ ущелье. Прежде дорога была здѣсь крайне трудная,—приходилось буквально карабкаться, держась за гриву лошади, по невозможнымъ тропинкамъ; въ настоящее же время идешь, какъ паркомъ. Недалеко отъ этого мѣста и мостъ черезъ Бухтарму, выстроенный солдатами. Онъ перекинутъ высоко надъ водой, на протяженіи пятнадцати саженъ, и благополучно выдержалъ уже около шести лѣтъ. Между тѣмъ напоръ воды такъ великъ, что, стоя на мосту, чувствуешь, какъ онъ дрожитъ. По берегу Бухтармы идутъ сосновыя и березовыя рощи, тамъ что повременамъ совершенно теряешь рѣку изъ виду. У этихъ рощъ мы часто останавливались на *привалъ*, чтобъ полюбоваться картиной противоположной стороны. Съ полгоры, между осыпью и лѣсомъ, падаетъ довольно значительный водопадъ; расширяясь книзу совершенно правильными уступами, необыкновенно красиво обрамленными купами деревъ и кустовъ, онъ падаетъ съ послѣдняго уступа хрустальнымъ пологомъ въ рѣку; отъ него, въ обѣ стороны, склонились надъ водой кусты, расцвѣченные яркими красными ягодами, перевитые бѣлыми вьюнами; между ними разбросаны красивыя скалы, покрытыя разноцвѣтнымъ мхомъ и лишаями; грозная рѣка несется мимо, будто пробиваясь сквозь заграждающіе ей путь утесы. Далеко разносится по долинѣ гулъ, ревъ и грохотъ, ясно чувствуется сотрясеніе на берегу. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, каменистый хребетъ выдвигается мысомъ въ рѣку, дорога поднимается на высокій утесъ тропинкой, идущей надъ рѣкой.

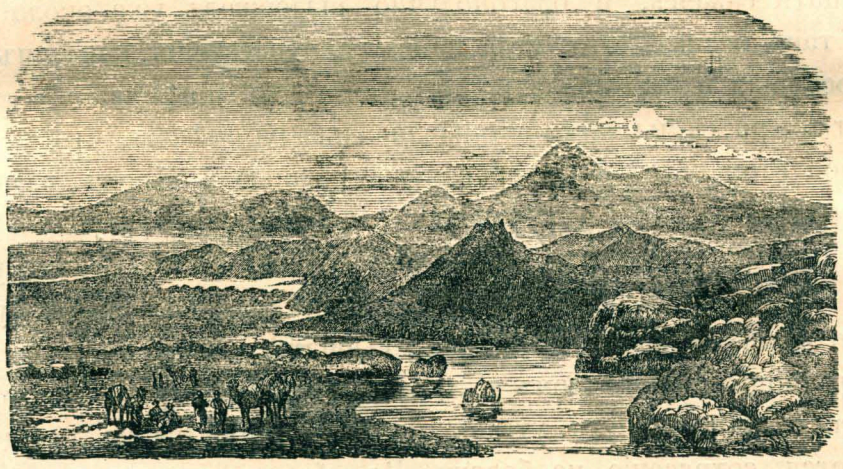
Пройдя Бухтарминской долиной отъ Арчетовъ двадцать пять верстъ, приходишь къ рѣкѣ Чиндагатую, одному изъ истоковъ Бухтармы, образуемой тремя рѣчками; пожалуй, двѣ изъ нихъ— Чиндагатуй и Бѣлую — можно даже назвать рѣками. Первый—сѣверный истокъ вытекаетъ изъ Бухтарминскаго озера (Чангенъ-куль), лежащаго высоко въ Алтаѣ, на южномъ склонѣ Аргутскаго хребта; второй истокъ, Чиндагатуй, течетъ тоже съ сѣверо-востока, начинаясь въ Аргутскомъ хребтѣ; лѣвый течетъ съ юго-востока и беретъ начало въ китайскихъ владѣніяхъ (вѣроятно изъ глетчера) въ снѣжномъ хребтѣ, образующемъ южную окраину Алтайскаго нагорья.

Пороги или, какъ зовутъ звѣровщики, «*водопадъ*» на Бѣлой — одно изъ самыхъ грандіозныхъ и живописныхъ мѣстъ. Вдоль Бѣлой, за порогами, имѣющими обычный видъ ледниковыхъ рѣкъ, идетъ дорога на Суокъ, хорошо знакомая нашимъ звѣровщикамъ-крестьянамъ и купцамъ Татарамъ изъ Усть-Каменогорска. Крестьяне возятъ въ Кобдо маральи рога и хлѣбъ. У Киргизовъ — это кочевая дорога.

Во время моего пребыванія на Бѣлой, туда явилась прехорошенькая Урянхайка, говорившая по-киргизски и въ киргизской одеждѣ. Она и ея мать были куплены или просто взяты въ рабы Киргизами. Мать умѣла дубить кожи и жила въ полномъ удовольствіи, по словамъ дочери, у своихъ владѣльцевъ; дочь же молодой Киргизъ взялъ въ жены. Она была съ нимъ очень счастлива, но, на бѣду, онъ умеръ, и родные мужа продаютъ ее старику. Киргизы увѣряли, что она вретъ. Урянхайка предложила привезти свою мать, какъ свидѣтеля. Попросивъ у казака лошадь, она лихо вскочила въ сѣдло и ускакала. Черезъ нѣсколько времени она вернулась. На крупѣ лошади, позади ея, болтался какой-то тюкъ лохмотьевъ. Это и была ея мать, почти уже слѣпая. Она подтвердила показанія дочери, и даже то, что своей судьбой она — хоть и въ рабствѣ живетъ — очень довольна, такъ какъ ее хорошо кормятъ и одѣваютъ (на вкусъ образца нѣтъ!); но просила защитить дочь. Киргизы было загалдѣли, но «Уѣздъ» заявилъ, что, по закону, красавица свободна, и никто продавать ее или насильно брать себѣ въ жены не смѣетъ. Урянхайка долго не успокоивалась, говоря: «вы уйдете, а они меня и продадутъ!» Но ее успокоили тѣмъ, что «Уѣздъ» поручилъ амбаню Чокеню наблюсти, чтобъ ее не притѣсняли. На вопросъ — что же она будетъ дѣлать съ своей свободой? — она гордо отвѣчала: «я сама себѣ мужа найду!»

Около Чиндагатуя есть гора, изъ которой казаки добываютъ горный хрусталь высокаго качества. Точная высота Чиндагатуя неизвѣстна; но, во всякомъ случаѣ, эта высота довольно значительная. Когда въ Бухтарминской долинѣ о заморозкахъ нѣтъ и помина,—Чиндагатуйская долина покрывается снѣгомъ.

Л. К. Полторацкая.

Серебряные рудники въ Чингисъ-Тау, въ юго-западной части Семипалатинской области.